



Юность дедов
наших

Дмитрий Кучеренко

Дмитрий Алексеевич Кучеренко

Юность дедов наших

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70305133

SelfPub; 2024

Аннотация

Из названия можно понять, что речь пойдёт о днях давно минувших, а точнее о Великой Отечественной войне. Кто-то очень мудрый сказал: «Как только мы забудем прошедшую войну, то начнётся новая». Поэтому нелишне освежить память. Как это ни ужасно, в войне участвуют не только взрослые, но и дети. Дети войны, страшное и неоднозначное звание. Они становились старше в десять раз быстрее, но не думайте, что вы держите в руках слезливое повествование о тяготах и лишениях. Это рассказ о том, как обычные деревенские подростки, повзрослев в одночасье, заменили отцов у сохи. Эти истории – былины северных районов Волгоградской области, передаваемые из уст в уста, а я постараюсь рассказать их вам как можно интересней.

Содержание

1	4
2	22
3	43
4	56
5	75
6	93
Послесловие	117

Дмитрий Кучеренко

Юность дедов наших

1

Июнь 1941 года. Известно, какие события произойдут в истории нашей великой родины в это время, но два пацана, Санька и Василь, об этом ещё не знают. Они с рождения делили один горшок на двоих, так как жили в соседях. Василию тринадцать. Высокий для своих лет, сухопарый. Он чуть хитрей, всё взвесит, прежде чем сделать. Санька напротив, всегда говорит то, о чём думает, сразу, напрямую, в лоб. Младше Василя на год, невысокого роста, крепыш. Сейчас они крадутся по высокой осоке к пруду, где спасаясь от полуденного зноя и намаявшись с утра, купаются работницы плантации.

– Тише, тише, – шептал идущий позади Василь, – ты, как лось сохатый по березняку ломишься, всех зайцев распугал.

– Мы так и до вечера не дойдём, – отвечал раздражённый Санька, – времени нет. Как ты говоришь её имя?

– Катерина. Она к тётке в гости из Минска на лето приехала, сейчас нашим бабам помогает. Активистка, комсомолка, на инженера учится.

– Чего, баба на инженера? – изумился Санька, – инжене-

рица что ли, – хохотнул он.

– Не ори ты, инженерица, заметят – мало не покажется, – Василь, как гусь, вытянул шею и пытался рассмотреть купающихся. – Смотри, вон она из воды выходит.

Санька чуть приподнялся, аккуратно развёл камыши руками и обомлел. Катерина брела по колено в воде, отжимая волосы, уложенные в пучок на затылке, и шурилась от разлетающихся брызг прозрачной, чистой воды, которые переливались радугой в ярком солнечном свете.

– Вот это да! Всё, не усну теперь, наверное.

– Я тебя предупреждал, ошалеешь, – сказал довольный собою Василь, – на почте у Мироныча есть такая в газетных вырезках. Венера называется, точно помню.

– Прям такая? – спросил Санька, не сводя глаз с Катерины.

– Не совсем, но очень похожа. Эта вот посмазливей и погрудастее.

Белая мокрая сорочка плотно облегла тело девушки, подчёркивая все его изгибы. Вдруг Катерина обернулась и удивлённо, чуть испуганно посмотрела прямо в глаза Саньке. Тот от неожиданности застыл как вкопанный и не знал, что делать. Взгляд девушки стал меняться на пристальный, и она улыбнулась.

– Ах, вы стервецы, чего удумали? – разнёсся над прудом противный, пронзительный крик тёти Дуси.

Грузная пожилая женщина быстро приближалась к паца-

нам, перекатываясь, как утка, и путаясь в траве.

– Атас! – раздался возглас Василя.

Но Санька всё так же стоял не в состоянии отвести глаза. Удар веником из свежей крапивы по голой спине быстро привёл его в чувство. Он обернулся, Василя уже и след простыл. Тётя Дуся снова вознесла к небу свой карающий веник, но виновник торжества уже летел, сверкая пятками, прочь от охающей брани вредной женщины и под залиvistый звонкий смех Катерины.

Василь стоял под тремя дубами в ожидании друга и истерично смеялся. Наконец подбежал пострадавший, потирая спину.

– Чего ты ржёшь? Сначала дёру дал, а потом «атас» крикнул.

Василь не унимался и сказал сквозь смех:

– Я же говорил, тише будь, а ты что?

– Что? – возмущённо спросил Санька.

– Дышишь как мерен туберкулёзный, – стал передразнивать друга, выпучив глаза, – Василь, Василь, я не усну, Василь.

Теперь уже они оба смеялись.

– Ладно, – сказал смирившийся Санька, – за такую красоту не грех крапивы получить. Всё, хватит, погнали на ферму, а то всех коней разберут.

Друзья бежали по нескошенному лугу, перепрыгивая че-

рез мелкие кусты железняка. Колючки под ногами не чувствовались, да какие там колючки, если на ферме подготовили большой круг глины под закладку самана. Саман – кирпич-сырец, производимый в те времена для возведения любых построек от сараев до домов. Никто не ходил в магазин за стройматериалами, их делали своими руками. Прямо на земле раскладывали глину, сверху немного соломы, песка и заливали водой. Затем в круг загоняли лошадей, и они перемешивали всё своими ногами. Труд каторжный, но на это не обращали внимания, потому как если надо, то брали и делали. Чтобы лошади было полегче, седоками выступали подростки, они же потом купали лошадей после работы. Перегон коней на пруд и был главным бонусом. Мальчишки устраивали скачки. Горе тому, кто придёт последним, всё время до следующего замеса его будут называть хвостом при каждом удобном случае.

Чтобы быть первым, нужно успеть занять лучшую лошадь, за этим и бежали сейчас Санька и Василь.

– Чур, Янтарь мой, – попытался заранее договориться Василь.

– С хрена ли? Ты на нём прошлый раз был, пора и честь знать, дай другим прокатиться.

– Сань, он же два метра в холке почти, а ты чуть выше курицы. Опять будешь просить, чтобы подсадили.

– Сам залезу, – отрезал Санька, – давай, если получится, то я ещё три раза на нём.

– Ой, люди добрые, – Василь стал пародировать старуху с подвыванием, как на поминках, – чего это делается? Клоп на слоне едет, лапкой подгоняет, за волосок в носу поворачивает.

– Хорош скалиться, оглобля, – огрызнулся Санька, – ну, что, забились?

Василь высокомерно и хитро посмотрел на друга.

– Забились, – он протянул ладонь, предварительно в неё плюнув, – если сказал, то делай, или всем расскажу, что ты брехло.

– Сам брехло, – Санька хлопнул своей ладонью по ладони друга и тут же вытер её об штаны, – зараза. Опять облизывал.

– Это для крепости, – улыбнулся Василь.

Конюшня располагалась на общей животноводческой ферме у пригорка, на котором был открытый загон, в нём гуляли лошади. Среди них прохаживался молодой верблюд Яшка. Его привезли с сельскохозяйственной выставки. Тот прижился и поведением своим уже не отличался от своих новых сородичей. Правда, его привлекали редко, так и не освоив всех премудростей работы на корабле пустыни. Он был как защита. Ещё будучи молодняком, он проявил свирепость по отношению к собакам и лисам, а уж если в воздухе появился запах волка, то он поднимал такой крик, что слышно было в соседних хуторах.

Подростки подошли к изгороди. Санька подал условный знак свистом. В ту же минуту от общей группы отбился и пошёл в сторону мальчишек высокий, золотисто-рыжего окраса жеребец.

– Глянь, помнит, – восхитился Василь, – а говорят, что скотина не соображает ничего.

Санька достал из кармана сухарь и на ладони протянул подошедшему коню, который с удовольствием и громким хрустом принялся жевать его.

– Всё они соображают, – сказал довольный Санька и аккуратно похлопал коня по щеке, – у них ума побольше, чем у людей некоторых. Жуй, жуй, Янтарь, не слушай этого недоразвитого. Прости убогому грехи его, так как слаб умом от рождения и не ведает, что мелет языком своим, – добавил Санька, издеваясь над другом.

– Сами вы убогие, – ответил Василь, – поцелуйтесь ещё.

– Обязательно поцелуемся.

Санька достал ещё один сухарь и чмокнул коня в нос, когда тот потянулся за очередной порцией лакомства.

– Ну, точно мозги одни на двоих, – констатировал Василь, – ты его закормишь, он будет только пешком передвигаться, как Ветерок.

– Не будет, – Санька трепал Янтаря за гриву и гладил его шею, – Ветерок полутяж, у него и копыта чубатые, а здесь, сразу видно, кровь донская намешана. Орёл.

Василь с лёгкой ревностью смотрел на эту парочку, но по-

нимал, что тут явно взаимное чувство, и остаётся только радоваться за друга, к которому так привязалась лошадь.

– Хватит лобызаться. Давай, акробат, запрыгивай, – по-нукал Саньку Василь, – чувствую, ты его только кормить будешь, а я кататься, пока ты хотя бы собаку перерастёшь.

К конюшне подошли ещё двое мальчишек, Сергей и Коля. Они тоже явились сюда в надежде занять для себя Янтаря, но, увидев Саньку с Василём, сбавили ход.

– Смотри, Колян, эти двое уже тут, – буркнул Сергей, – снова самых лучших обхаживают. За ними разве успеешь? Похоже, ночуют здесь в яслях, чтоб их коровы съели. Эй, коневоды! – обратился он к Саньке и Василю. – У вас совесть есть? Я хоть раз на Янтаре покатаюсь?

– Тебе и пробовать не стоит, – ответил Санька, продолжая гладить коня, – есть три категории наездников: ездок, ездюля и звездюля. Вот ты к третьей относишься. Вон Яшка в сторонке пасётся, хватайся за горб обеими руками и вперёд. Я слышал, они быстрее любой лошади бегают, когда петух жареный в задницу клонет.

Василь с Колей рассмеялись, а Сергей решительно пошёл в сторону Саньки. Василь, предвидя конфликт, встал между ними.

– Угомонись, он конечно прав, но у тебя есть возможность посмотреть представление невероятного накала – «полёты во сне и наяву или Санькины мечты».

– Чего?

– Того, – ответил Василь, расстроившись, что глубокая мысль и игра слов не дошли до адресата, – Санька побожился, что с лёту на Янтаря вскочит, а если нет, то всё лето к нему подходить не будет.

– Я такого не говорил, – возмутился Санька, – уже целую гору приплёл.

– Так что, брехун, не запрыгнешь?

– Сам ты брехун. Сейчас увидите. Если получится, то я ещё три раза на нём. Ясно вам? Даже не подходите.

– Ясно, ясно, – ответил Сергей, – разгон только возьми пару вёрст, с пригорка.

– Ага, – добавил Коля, – и коня в навоз поставь, чтобы головой туда по плечи войти, когда долбанёшься.

– Обязательно. Больше ничего не надо? Может, чаю с сахаром?

– Ты давай прыгай, падай и чеши отсюда. Не хрен время терять, а то уже круг водой заливают.

Санька насупился. Леший дёрнул пообещать. Собрались все, как будто ждали, пока скажешь что-нибудь, сразу за слова цепляются. Друзья называется.

Санька взял уздечку, висевшую на заборе, и пошёл в загон. Сам Янтарь, казалось, смотрел на него с пренебрежением. Вроде – куда тебе-то? Ростом метр в кепке, и то, если подпрыгнуть, а туда же. Ну, пробуй, я как раз возле большой лепёшки встал, вместе посмеёмся.

Санька надел на него уздечку, закинул на шею поводья.

Нога в коленке предательски стала подрагивать. Надо пере-силить себя.

– Янтарь, дружок, ты, главное, стой смирно, пожалуйста, а то хана мне, засмеют. Я тебе каждый день сухари носить буду. Даже сахар, – он замялся, – если найду.

Парень взялся получше за гриву левой рукой. Он знал, что долго готовиться нельзя. Это как с обрыва в омут, если перетопчешься, то совсем не прыгнешь. Чуть отступил спиной к голове Янтаря, гриву не отпускал. Резкий шаг, правую ногу забросил на коня, вернее, докуда смог, ухватился правой рукой за холку и стал подтягиваться. Тут, как нож в спину, Янтарь пошёл. Пошёл, предательски повернув Саньку, который висел сбоку раскорячившись, к зрителям. Раздался смех и понукания.

– Давай, давай, карабкайся.

И Санька смог. Запрыгнул, вернее влез. Тем не менее, он на коне. Не упал. Сердце колотилось так, что в ушах было слышно. Пацаны хлопали в ладоши и одобрительно посвистывали.

– Хрен тебе, а не сухари, травяной мешок, – запыхавшись, сказал Санька Янтарю, – ты почему, зараза, не стоял на месте? Я же тебя просил.

Тут же обнял коня за шею:

– Ладно, принесу, не бойся, голодные не останемся.

– Ты где так научился? – спросил удивлённый Василь, – на прошлой неделе ещё без подсадки не мог.

– Батя подсказал, – ответил довольный собой Санька, – он у меня в Гражданскую с лошади не слазил. Даже Батьку Махно гонял и в плену у него был. Убежал потом.

Он сделал круг рысью по загону и снова подъехал к остальным.

– А правда, что Махно косматый был, как лешак? – спросил Коля.

– И сабля турецкая была? – вторил ему Сергей.

– Брехня, – по-стариковски ответил Санька, – батя рассказывал, что Махно был всегда чисто выбрит, подстрижен, и форма на нём сидела как влитая, у хорошего портного заказана. Сабли ни кривой, ни прямой у него не было. Были два маузера, и он умел из двух рук стрелять как в копеечку.

Санька сделал ещё круг по загону лёгким галопом.

– Ну, вы чего, махновцы, берите скорее коней и погнажи. Нам сейчас бригадир по шее накомыляет за опоздание.

На другой стороне села, на широкой скошенной площадке уже было всё готово. Глина с соломой разложена, бочки с водой на подводах полны и ждут только мальчишек. Наконец они явились. Бригадир обматерил каждого по отдельности, а потом всех вместе. Солому полили водой и загнали пацанов на конях в круг. Брызги воды с глиной разлетелись в разные стороны и прилипли рыжими пятнами на одежде окружающих и на всём, куда достали. Женский визг, мужское крепкое словцо, смех и ощущение причастности к чему-то боль-

шому, нужному переполняли сердца мальчишек.

Наконец всё было готово. Мужчины взялись за свою часть работы. Бригадир позвал к себе пацанов.

– Так, хлопцы, коней искупать и не гоняйте сильно, им завтра снова работать.

– Снова месить? – радостно спросил Сергей.

– Кроме замесов, разве другой работы в колхозе нет? Поверьте, выходной нескоро. Всем ясно?

– Ясно, – хором ответили парни.

Санька наклонился ближе к Янтарю и сказал полушёпотом:

– Сейчас мы им дадим хвоста нюхнуть.

Пацаны на конях мчались к пруду через луг с сочной невысокой травой, где постоянно паслись гуси, которые, недовольно гогоча, разлетались в стороны и, чуть успокоившись, сходились обратно, грозно вытягивая длинные шеи. Санька иногда оборачивался на друзей, чтобы посмотреть, не нагоняют ли его. Конкуренцию ему могли составить лишь две кобылы – Маруська и Рыжая, но Василь с Сергеем, которые были на них, отстали метров на двадцать. Про Колю вообще говорить не стоило. Он на полутяже Ветерке только выезжал рысью на луг. Санькиной радости не было предела. Это был тот, ещё детский, восторг, о котором мы помним всю жизнь до глубокой старости. Из-за этих ярких, милых нашему сердцу мгновений, повзрослев, мы часто произно-

сим: «Эх, вот раньше было ...»

Приближаясь к пруду, Санька притормозил, перевёл коня сначала на рысь, а потом и на шаг. Его догнали Василь с Сергеем.

– Не пускайте пока коней в воду, – распорядился Василь, – пусть отдышатся.

Санька, находясь в отличном настроении, не хотел ссориться, но не смог удержаться, чтобы не ответить своему другу:

– Без тебя прямо не знает никто, дураки кругом народились. Не можем без чуткого руководства.

Василь с лёгким пренебрежением осмотрел всех:

– Я об этом и толкую. Не скажешь вам, так вы коней запорите.

На этот раз Санька не стал отвечать, хотя очень хотелось вставить ещё пару слов по поводу Васькиного командного гонора.

Наконец подоспел и Коля на Ветерке. Он сразу спешился и стал прохаживаться, держа своего коня за повод и кряхтя, как столетняя бабулька.

– Опять полчаса враскорячку ходить. На нём только пасти хорошо. Ляжешь и спи себе, круглый, как диван.

– Тебе ещё повезло, – поддержал разговор Сергей, – я вон опять копчик сбил на Маруське, худая, ребра считать можно. Эй, кунсткамера, – обратился он к кобыле, – ты вроде вместе со всеми пасёшься, а всё равно на забор похожа.

– Зато на ней седло хорошо держится, – хохотнул Василь, – можно не затягивать постромки.

Когда дыхание у коней восстановилось, Санька направил Янтаря к воде. Тот аккуратно зашёл по колени и наклонился, чтобы попить. Подплывающую ряску он разгонял воздухом из ноздрей и уводил от неё нос в сторону. Вдоволь напившись и удовлетворённо потрясая головой, он пошёл глубже. Вот уже по брюхо, дальше, дальше и поплыл. Санька был рядом, он, держась руками за гриву, тоже помогал, бултыхая ногами, но скорее выступал в роли балласта. Обогнув петлю, Янтарь вышел на отмель, где уже плескались остальные. Санька выдернул несколько пучков осоки, скрутил их в подобие мочалки и стал мыть спину своего коня, попутно выбирая из гривы и хвоста кусочки застывшей глины. Василь подошёл к нему.

– Раз уж ты на Янтаре сегодня, тебе и отгонять всех к табуну.

– Хорошо, – ответил Санька, – тогда разнуздывайте остальных, а я верхом провожу.

Пацаны сняли уздечки и отпустили лошадей. Почувствовав свободу, кони выскочили из воды и стали кувыркаться на траве, как это обычно делают собаки. Да, именно так они делают, когда ничего не держит. Даже спинами трутся о землю.

– Ну, куда? – расстроено крикнул Сергей, – только искупали.

– Покажи еще раз, как ты запрыгиваешь, – попросил Коля

Саньку.

Тот с самодовольным видом вывел Янтаря из воды и уже уверенно повторил трюк. К нему подошёл Василь и протянул собранные уздечки.

– Не задавайся, архаровец. На обратном пути соли захвати, мы пока раков в ведро накидаем.

Санька накинул на плечо сбрую, покрепче ухватился за гриву, наклонился вперёд и зычно крикнул, пришпорив своего скакуна голыми пятками.

– Аджа! – разнеслось эхом по пруду.

Янтарь с места дал в галоп. Остальные кони помчались за ним, подпрыгивая и брыкаясь, как молодые жеребята.

Ловить раков руками в норах – задача нетрудная, но требует определённой смелости. Мало того, что ощупывать берег в мутной воде не очень приятно, так ещё в водорослях, которые как раз расположены вдоль берега, обитает множество водяных насекомых: жуков-плавунцов, водяных ос, агрессивных личинок стрекозы и всякого клопья навалом. Раки тоже дружелюбностью не отличаются, так и норовят ущипнуть своими клешнями. Причём чем мельче рак, тем больше щиплет, у него клешни острее.

Парни наловили ведро раков, набрали в роднике воды, повесили вариться над разведённым костром и расселись во круг, протянув руки к огню.

– Вроде вода не очень холодная, а замёрз, – дрожал Ва-

силь.

Сергей, сидевший напротив, стучал зубами.

– Это потому, что долго в воде возились. Сначала коней купали, потом раков ловили. Примерно час и вышел. Как бы не заболеть.

– Как там раки? Я крапивы чистой нарву, – сказал вернувшийся Санька.

– Ну да, кто же ещё? – развёл руками Василь, – ты у нас по ней спец.

Вот на траве толстым слоем расстелили свежую «зелёную скатерть». Санька надел дежурные рукавицы и снял ведро с костра. Аккуратно сливая воду, ошпарил крапиву, слил остальную в сторону, придерживая раков веточкой, чтобы не вывалились, затем резко перевернул его на импровизированный стол.

– погоди, не убирай, – сказал, потирая ладони, Василь, – пусть травяным душком возьмутся.

Подняли ведро. Ярко-оранжевые раки рассыпались горкой, и в воздух поднялся душистый пар. Есть захотелось как после годового поста, молодой, растущий организм требовал пищи. Сергей схватил горячего рака, стал подбрасывать его как картошку, пытаясь остудить. Глядя на это, Санька с Василём тоже взяли по одному раку правой рукой за усы, а левой за «пёрышки» хвоста и, синхронно встряхнув, улыбнулись друг другу.

– А я малого брательника своего учил в часовых играть, –

сказал Коля, держа рака за красные усы.

– Как это?

– Он вяжется за мной постоянно, вот я его в караул и поставил, сарай охранять. Говорю ему, смотри, мол, пост никак покидать нельзя. Расстреляют, и всё тут, дело-то ответственное. А если до ветру там или попить, то кричи секретный пароль – «корогаз». Я тогда подойду и сменю тебя.

– И как, получилось?

– Получилось. Я про него уже и думать забыл. Мать в хату зашла и спрашивает: чего это у тебя малой дурниной орёт и никого к себе не подпускает? Я к нему, а он горланит: корогаз, корогаз по-большому.

Василь даже поперхнулся от смеха, представив эту картину.

– Ладно. Раки хороши, – сказал Санька, поднимаясь и отряхивая колени, – время к вечеру, завтра дел много, нам с Василём разнарядка на кузню с утра.

Утром Санька и Василь вошли в кузню, там Пашка, крепкий, коренастый парень семнадцати годов, работал средним молотом по раскалённому зубцу от бороны, оттягивая заострённый конец.

– Здорово, братан, – поприветствовал его Василь, – а дед Наум где? Ты один здесь?

Тот продолжал работу, не обращая внимания на вошедших, затем кинул готовый зуб в носилки к остальным таким

же.

– Дед Наум на родину ушёл, – ответил он, подойдя к печи, взял из неё клещами очередную раскалённую заготовку и стал рассматривать.

Санька в лёгком недоумении приблизился к Василию.

– На какую родину? Он же цыган у вас, – спросил он шёпотом.

Василь не успел ответить.

– В степь. Отдыхает он так, – Пашка воткнул заготовку обратно в угли и обернулся к пришедшим, вытирая руки о тряпочку, – он, когда устаёт от всех, берёт курицу и жарит её за селом на костре. Потом возвращается спокойный и дружелюбный. Бабушка шутит: на родину съездил.

Санька засмеялся.

– Чего ржёшь? Пойдёмте во двор, фронт работы обрисую.

Парни вышли вслед за Пашкой, который подвел их к огромной куче металлолома.

– Вот это всё разобрать надо и ко мне. Выпрямлять, оттягивать, готовить, в общем, к работе.

Рядом, сначала тихонько, а затем всё громче по мере приближения, послышался скрип велосипеда. Дед Мирон, сельский почтальон, удручённо уставившись на дорогу и что-то бурча себе под нос, подъезжал к кузне. Левую ногу он потерял в боях Первой мировой, её заменял торчащий из штанины железный протез. К левой же педали велосипеда был привязан свинцовый груз. При помощи этого нехитрого приспособ-

соблениа дед Мирон довольно резво колесил даже по тропинкам.

– Бросайте работу, хлопцы, идите сюда.

Почтальон, подъехал к забору и спешился, подпрыгивая на одной ноге. Затем поставил велосипед и уселся на лавочку, отставляя в сторону «железную ногу».

– Война началась, – сказал он, оглядывая окрестности, прищурившись от солнца, – вот так.

Слова эти прозвучали из его уст как-то обыденно. Будто ничего не случилось. Вроде как дождь обещали.

– С кем? Когда?

Старик достал кисет с табаком и стал сворачивать из газеты «козью ножку».

– Вчера немец Киев бомбил.

Пашка в недоумении покачал головой, не веря своим ушам.

– Погоди, погоди. Как это?

– Так это, – отрезал дед Мирон, – вероломно, без объявления, и всё такое.

Он прикурил самокрутку, выпуская в разные стороны клубы синего махорочного дыма.

– И что теперь? – спросил ошарашенный Санька.

Старик встал с лавочки, опираясь о забор:

– Пойдемте к правлению. Сейчас всё объяснят.

2

На крыльце сельсовета стояли председатель и парторг, перед ними тихо гомонящей толпой собрались обеспокоенные местные жители. Люди ждали, ждали, что председатель сейчас всё объяснит, всех успокоит: «Ошибочка вышла, нет никакого нападения, это пограничники, с недосыпу, танки с зайцами перепутали». Но нет, все по-настоящему. Война началась и будет собирать дань. Отцы, сыны, братья уйдут и, возможно, навсегда.

– Земляки, – начал председатель свою речь, – нашу многострадальную родину втянули в войну, но я верю, что мы справимся и вломим врагу, как всегда это происходило. Много говорить не считаю нужным. Основная часть наших жителей знает, что такое боевые действия. Поэтому всем мужчинам призывного возраста надлежит явиться завтра утром сюда с вещами. Поедем в район для распределения. Также женщинам и подросткам с двенадцати лет тоже надо прийти, – председатель сделал небольшую паузу и вытер платочком пот со лба, – полевые работы никто не отменял. Будем учиться в эту уборку без мужиков обходиться. Очень надеюсь, что только эту уборку, точнее, дай Бог, чтобы только эту. Всё. По рабочим местам.

К мальчишкам подошёл Иван Наумович, отец Василя и Павла.

– Всё, хлопцы, детство кончилось. Пашка, возвращайся в кузню. К тебе сейчас бригадир придёт, новый фронт работ обрисует, а вы, – обратился он к Саньке и Василию, – завтра утром берёте с собой обед и шуруете в звено механизации. Вас будут обучать работе на тракторах. Теперь не будете бегать просить, чтобы прокатили, а сами будете управлять.

Вечером деревня выглядела не как обычно. Не было поделок на завалинке, не бегали гурьбой дети, которые всегда знали, чем себя занять. Напряжённое безмолвие, которое изредка нарушалось лаем дворовых собак, висело над посёлком.

Иван Наумович разложив на столе вещмешок, собирал в него всё, что может пригодиться в походе. Рядом, задумавшись над чем-то и глядя в пустоту, сидела его жена София.

– Вань, может тебе не обязательно прямо сразу ехать?

– Почему это?

– Ну, ты же партийный. Может, ты здесь для какой работы нужен?

Иван Наумович, отвлекшись от сборов, обернулся к жене и попытался объяснить свою позицию:

– Именно потому, что партийный, я и должен быть в первых рядах. Нужно на своём примере показать народу, что катастрофического ничего не произошло. Страна в кулаке, всё идёт, как положено, и мы справимся с любыми напастями вместе, если не будем по сараям прятаться.

Но на Софию его слова, казалось, не произвели особого впечатления. Она была далеко в своих мыслях.

– Пашку тоже сразу заберёте? – спросила она, резко обернувшись на мужа и обеспокоенно посмотрев ему в глаза, – он ведь взрослый совсем уже.

Иван Наумович поднялся со стула и прошёлся по комнате.

– Нет. Ему восемнадцать через год только будет, к тому времени мы уже дома будем, – он подошёл к жене и положил руку ей на плечо, – мне звание сержанта сразу дадут, буду взводом командовать или отделением. Не переживай.

– Ой, не знаю, – София зарыдала, закрыв лицо ладонями.

Ночь постепенно окутывала село. Проснулись и звенели в траве маленькими колокольчиками чёрные сверчки. Лягушки на заросшем камышом поливном пруду пели свадебные серенады. Уютный деревенский тёплый вечер.

Санька и Василь сидели на лавочке у соседского дома.

– Что там отец твой? – спросил Санька.

– Собирается. Мамку жалко, плачет постоянно. Говорит, чувствует, что больше не увидит его.

– А он?

– Он говорит, что не надолго едет, что у нас армия самая мощная в мире, но по глазам видно – сам не знает, отобьёмся или нет, – Василь задумался, – твои там как?

– Тоже собираются, – ответил Санька, – это у него уже третья война. Говорит, что Гражданскую и Финскую прошёл

и эту пройдёт. Ободряет мамку, но что-то не очень получается.

Василь встал и осмотрелся как заговорщик.

– Мне отец шепнул, оружие придумали, что может целые полки солдат перелопачивать, но у немцев тоже такое имеется. Вот теперь и будут меряться, чья лопата шире. Ладно, у нас другая задача, – подвёл итог Василь, – нас с тобой в звено механизации определили.

– Это хорошо, – ответил Санька.

– Чего же хорошего? Все путёвые трактора забрали из колхоза. Не знаю, орудия или ещё чего-то таскать, а нам рухлядь оставили. Будем постоянно в мазуте по уши, а ведь норму будут требовать. Девчат ещё в бригаду к нам назначили зачем-то.

– Так у них, может, ещё лучше получится, чем у Кольки с Сергеем. Они раздолбаи тупорылые, любая девка хитрей и дотошней. Да и веселей с ними, – Санька хитро улыбнулся.

Василь снова сел рядом с другом.

– Лошадей тоже проредили, даже Яшку увели. Калмык его за повод тянет и орёт: «Пошёл, пошёл, горбатый». Я ему говорю: «Сам ты горбатый, а его Яшкой зовут». Хрен с ним, сдюжим. Лишь бы батьки наши вернулись быстрее. Всё. Давай по домам. Утром всех проводим и к тракторам пойдём, учиться.

Санька подошёл к своему дому и взглянул в окно. На ла-

вочке у печи сидел отец, Архип Емельянович, и подбивал сапог, на кровати мать, Домна Ивановна, подшивала одежду и причитала по-женски:

– Чего они тебя сразу тащат? Молодых вон сколько, пусть они повоюют, не всё же тебе.

– Молодых много, только техника сейчас другая, это тебе не шашкой махать. Один грамотный пулемётчик может наступление остановить, а пару залпов артиллерии целый полк с землёй и навозом перемесят. Вот и думай. Они же к нам не с рогатками пришли, вот и требуются опытные люди.

– Что же будет теперь? – слова женщины прервал короткий всхлип.

Архип Емельянович отложил сапог, подошёл к жене и обнял её, присев рядом на кровать.

– Ну чего ты, родная?

Она тихо заплакала и уткнулась лицом в плечо мужа.

Утром провожать призывников собралась вся деревня. Стояли подводы, запряжённые лошадьми, несколько грузовиков из района. Весело заливалась гармошка. Чуть в стороне находились мужчины с вещмешками. Между ними, надев боевые награды, подпрыгивая на протезе, маячил старый Мирон и ободрял собравшихся. Он проверял на них одежду, интересовался, что взяли с собой и наставлял их по-отечески, на правах бывшего солдата.

Из здания вышли председатель и парторг в сопровожде-

нии представителя комиссариата. Провели перекличку.

– По машинам! – прозвучала команда, и сразу же кто-то из женщин вскрикнул, как на похоронах.

– Хватит причитать, – рявкнул председатель и добавил уже спокойно, – всё хорошо будет. Мужики у нас крепкие, не первый раз в руки оружие берут, справятся.

– Трогай, – снова прозвучал зычный голос представителя военкомата.

Санька с Василём смотрели в след машинам, увозившим куда-то их отцов.

– Пойдём, – резко сказал Василь и быстрым шагом направился прочь от собравшихся.

– Так рано ведь, – семенил рядом Санька.

– Давай, давай, не хватало ещё, чтобы я слезу пустил.

– Ой, беда какая. Я в любой момент, по желанию могу. Хочешь зареву? Не веришь?

– Знаю я, что ты артист, отстань.

Санька стал забегать вперёд и пытался приободрить друга.

– Накостыляют наши батьки немцам и вернутся, вот увидишь.

– Хорошо бы, – Василь остановился и сказал, серьёзно глядя другу прямо в глаза, – одно я точно знаю, не получится у тебя с тракторами как с Янтарём.

– Чего? – не понял ничего Санька.

Василь повалил его на землю резкой подсечкой и пустился бежать.

– Семнадцатый трактор мой, – крикнул он на ходу, оглядываясь на друга и выставив ему кукиш.

Санька, кряхтя, поднялся:

– Зараза ты хитрожопая, ещё меня артистом называет.

На краю поля стояли колхозные трактора. Вид у них был потрепанный. Нужен практически ежедневный ремонт и обслуживание, они не годились для армии, поэтому их и оставили. Именно на этой технике предстояло трудиться Саньке и Василию. Работа на полях стоять не должна, хоть война, хоть природные или политические катаклизмы происходят в стране, а деревня должна молча выполнять свой долг. В то время, пока две столицы выходят на демонстрации, совершают перевороты и свергает правительства, русское село, смирившись с обстоятельствами, кормит страну и пополняет свежей кровью армию.

Перед тракторами полукругом стояла группа девушек, с ними же Санька и Василь. Молодой механик Николай проводил знакомство с техникой и объяснял, какие дела предстоят.

– Не будем долго рассусоливать, – начал он, – все друг друга знают, новый человек один. Просим.

Вперёд вышла Катерина. Она была одета в неизвестный деревенским жителям рабочий комбинезон и косынку, из-под неё выскальзывала непослушная прядь волос, которую девушка постоянно поправляла, смущённо поглядывая на

молодого механика.

– Вот, знакомьтесь, Катерина. Она приехала к нам в гости из Белоруссии, но из-за того, что началась война и проходит сейчас как раз в тех краях, тётка её домой не пустила. Спасибо ей за это, рабочие руки нам сейчас позарез нужны.

Девушка хитро посмотрела на Саньку и чуть заметно улыбнулась. Тот сразу залился румянцем и как бы случайно, спрятался за Василём.

– Так, познакомились, – продолжил Николай, – всех, кого удалось собрать, разбили на звенья и распределили по разным фронтам. Перед нашей группе поставлена задача: проводить вспашку полей вслед за теми, кто будет убирать зерно. Пока уборка не началась, мы должны научиться управлять техникой, проводить техобслуживание и элементарный ремонт. Болячки у тракторов одинаковые, редко что-то новое сломается.

Николай подошёл к кусту, отломил длинную тонкую веточку, оборвал листочки и вернулся к группе. Он несколько раз взмахнул прутиком так, что тот издал свистящие звуки.

Пороть будете, товарищ преподаватель? – спросила Катерина, а девушки залились звонким смехом.

– Указка, – ответил Николай, смутившись, – сейчас я вас кратко ознакомлю с устройством техники и оборудования, потом будем пробовать заводить и управлять. У кого получится, тот будет за рычагами, а остальные пойдут на плуги, в прицепщики. Дело, я вам скажу, не менее ответственное и

опасное. Поэтому ухо держим остро.

Нужно заметить, что у девушек совсем не получалось заводить трактор. Сколько ни пытались. То пусковой двигатель дёрнет в обратную сторону, то девчонка, напуганная грохотом и вырывающимся из выхлопной трубы дымом, стоит, как вкопанная, обхватив голову руками, и боится подойти к трактору.

Было решено: утром, после обслуживания и заправки, Санька и Василь заводят все трактора, а управлять как-нибудь научимся. Научились. С горем пополам, неуверенно, но всё же научились хрупкие, молодые девушки, которые ещё недавно в дочки-матери играли, управлять железными «чудо-юдами» с непонятным именем НАТИ, которых до недавнего времени и в глаза не видели.

День у новых механизаторов был разделён на несколько частей. Утром рано – пару часов обучения, затем вся группа уходила на мехток подкидывать и подгрести убранный пшеницу. К вечеру почти без чувств падали на кровать. На следующий день, чуть свет, снова на работу.

Пришло время пахать. Как и положено, каждый смазал и заправил свой трактор, затем Санька с Василём завели, и каждый, взяв на плуг прицепщика, зашёл в свою загонку. Работа пошла. Санька, довольный собой, чётко подруливал, не давая уйти трактору с нужной траектории. Как иначе? Ведь прицепщиком у него была сама Катерина, нельзя в грязь ли-

цом упасть, нужно быть лучшим. Ещё не понятно, зачем она на механика поглядывает. Ничего. Вот увидит она, кто здесь лучший механизатор. Двигатель хорошо изучил, потягаемся ещё.

Санька управлял на поворотах мастерски, с ходу, без суеты, заходил на новый круг. Вот на очередном повороте кочка, будь она неладна. Трактор подкинуло, затем плуг. Санька расстроился, что не получилось красиво зайти в загонку и с досадой, прибавил газу. Обернулся. Сердце оборвалось. Катерины нет на плуге. Остановился, выскочил из трактора. Девушка лежала на пахоте лицом вниз, присыпанная землёй, и не двигалась. Санька подбежал к ней, перевернул и, упав рядом с ней на колени, стал ощупывать, пытаясь найти, что повредилось и не зацепило ли плугом. Он забыл о том, что он гордый, серьёзный мужчина, и кричал почти в истерике:

– Катя, Катерина, Катенька, где болит? Скажи что-нибудь, Катя.

Подбежали девушки, увидевшие произошедшее. Санька пытался расстегнуть комбинезон, который, перекрутившись, лямкой давил девушке на шею.

– Сыйди, шалый, – вскрикнула Катерина, вlepила «спасителю» звонкую затрещину и вскочила на ноги.

Санька от неожиданности опешил и сидел на земле, глотая ртом воздух, как оглушенный карась.

Примчался механик.

– Что у вас тут? Все живы? Может, к фельдшеру? Пусть

осмотрит на всякий случай.

– Не треба, – ответила Катерина, сверля Саньку взглядом, – меня уже ощупали и сказали, что всё в норме.

Однако потёрла ушибленное плечо и поморщилась.

– Аккуратней на поворотах, танкист, – добавила она.

Санька встал с земли, отряхнулся и сказал с недовольным видом:

– Я ж не специально. Разве тут углядишь все кочки в траве, – затем подошёл к плугу, осмотрел его, – ну что, поехали?

– Поехали, – ответила девушка, – только не спеша и с расстановкой.

Санька совсем расстроился, залез в трактор, старался больше не смотреть на свою прицепщицу и лишь бурчал себе под нос:

– Ощупали её... Да больно надо... Просто хотел посмотреть, не поломала ли чего себе. Ощупали, блин... За неё беспокоишься, а она ещё и по роже дала. Совсем уже, – добавил погромче, – соображать надо и держаться по-человечески, а то вошь за собаку сильнее держится, чем вы на плуге, – но его слова заглушал грохот работающего на полных оборотах трактора.

Работа продвигалась. Санька уже отошёл от пережитого шока и снова уверенно держался за рычаги трактора, который, упираясь изо всех своих чугунных сил, полз вперёд, таща тяжёлый прицепной плуг. Санька мельком взглянул в

зеркало заднего вида и заметил, что Катерина подаёт ему знаки руками. Он остановился, сделал обороты двигателя поменьше, чтобы тот не сильно шумел, и высунулся в проём, строго и недовольно глядя на свою прицепщицу.

– Чего тебе?

Катерина указывала в сторону соседней машины. Санька спрыгнул на землю. Соседний трактор не двигался, девушка, управляющая им, махала руками над головой.

– Чего она там? – спросил Санька, стараясь не смотреть в глаза Катерине.

– Заглох, наверное. Ты же видел, что они еле ползут.

– Тьфу ты, – парень плюнул на землю и с недовольным видом направился на помощь.

Так продолжалось несколько дней. Парни бегали от трактора к трактору, ремонтировали и заводили их. Затем Василь перестал помогать.

– Не дело это. Будем жопу рвать – она порвётся. Мы пока по полю мечемся, гектары не прибавляются. Видал, с учёткицей вместе новый парторг ходит? Она выработку замеряет, а он что-то там себе записывает. Меня отец предупреждал, чтобы хоть из кожи вон, но норму сделай, а не то статья или вредительство могут приписать. Пусть механик сам помогает или назначит отдельно человека на это дело. Но Санька лишь отмахивался.

– Ладно тебе. Не дурак же он? Видит, что мы не воляним, а работаем. Если не помогать, то вообще никто норму

не сделает. Что тогда?

– Ну, как знаешь, – ответил Василь, поправляя картуз, – я тебя предупредил.

Через неделю такой работы всё вышло так, как и предупредил Василь. В один из дней к сельсовету подъехала чёрная «эмка», или ГАЗ М-1, из неё вышел представительный мужчина средних лет и направился в здание. В кабинете находились председатель Андрей Егорович, парторг, учётчица и опустивший голову Санька. Он сидел возле двери на табуретке, как провинившийся школьник в кабинете директора. На пацана, которому по возрасту положено голубей по крышам гонять, у парторга были другие планы.

– Это он? – спросил вошедший партийный работник, указывая на Саньку.

– Он, он, – закивал парторг и засеменил навстречу, протягивая руку и в реверансе прогибаясь перед районным начальством.

Мужчина поздоровался со всеми и подошёл вплотную к Саньке.

– Объясняю суть проблемы: ты саботируешь установку о необходимости выполнения плана. В другое время, возможно, я попытался бы тебя вразумить, но сейчас каждый поступок отягощён военным положением. Тем более это было не один и не два раза, а происходит ежедневно. Что имеешь сказать в своё оправдание?

Мужчина подошёл к столу, выдвинул табуретку и присел. Санька ничего не ответил, лишь вздохнул, отвернув голову.

– Ну, вот, стало быть, признаёшь, – констатировал мужчина.

– Чего он там признаёт, – вмешался председатель, вскочив из-за стола, – не успеваешь просто. Мы его на другую работу переведём, под мою ответственность. Буду лично его контролировать, семь шкур спущу.

Парторг не дал договорить Андрею Егоровичу:

– Перестаньте. Тут ремень не поможет. Видно, что это его принципиальная позиция. Механик говорит, что у него лучше всех получается трактором управлять и в ремонте сообщает.

Парторг подошёл к сидевшей тут же учётчице и продолжил, положив руку ей на плечо:

– Вот и ответственное лицо подтверждает, что у девчонок есть норма, а у этого подлеца редко даже до половины дотягивает. Правда ведь, Тамара Григорьевна?

Женщина закивала головой.

– Так и есть, девки справляются, а у этого не хватает. Много не хватает. Так и есть.

– Даже сверх нормы. Вы же так говорили? – добавил парторг, заглядывая женщине в глаза.

– Так и есть. Даже сверх нормы. Я говорила. Так и есть.

– Ну, вот видите?

Довольный собой, парторг вышел на середину комнаты и принял важную позу:

– Я считаю, что нужно, просто необходимо, показательное дело, чтобы другие не сомневались в неотвратимости наказания. Никому не позволительно в такое тяжёлое для страны время нарушать закон и распоряжения партии.

– Перестаньте, пацан ведь, – вмешался председатель.

– Он не пацан, – резко осёк его парторг, – он механизатор, которому родина доверила самую ответственную задачу – обеспечение нашей Рабоче-крестьянской Красной Армии продовольствием, а он саботирует это поручение. Причём систематически.

Председатель глубоко вздохнул и отвернулся к окну:

– Не знаю, может, не стоит сразу так сурово?

Районный начальник встал с табуретки и подошёл к Саньке:

– Дело серьёзное. Ты понимаешь? Тебе сейчас со мной придётся ехать, разбираться. Домой можешь не скоро вернуться.

– Понимаю, – ответил Санька, ещё сильнее опустив голову.

Парторг снова подскочил к учётчице, понимая, что дело пошло. В этот момент он напоминал жирную муху, которая нашла себе пропитание.

– У вас ведь всё задокументировано?

– Так и есть. Всё задок... – женщина запнулась, пытаясь

произнести длинное, заковыристое слово, – записала я всё. Так и есть.

В это время Василь бежал к своей бригаде. Девушки встретили его недовольными претензиями:

– Где вас леший носит?

– Друг твой куда запропастился? Заводите трактора.

Василь отдышался.

– Запропастился. Увезут его сейчас в район. Может, в тюрьму посадят. Вот так.

Катерина подошла к нему ближе:

– За что это в тюрьму, что случилось?

– А вот из-за этих, – Василь указал на остальных девушек, – он же бегает весь день, им трактора заводит и ремонтирует, а у самого в загонке не прибавляется, сама знаешь. Он норму за всё время ни разу не сделал. Статья.

– За это в тюрьму? – изумилась Катерина, – он ведь всё звено тянет. Если бы не Санька, тут бы вообще ничего вспахано не было бы.

– Ну, все же молчат, заступиться и объяснить некому.

– Мы объясним, – решительно сказала Катерина, – пошли, девчата. Это что же такое? Хорошего хлопца не за что судить...

Василь с облегчением выдохнул. Он этого и добивался. Напрямую попросить девчат – не дело. Могли испугаться. А так они «сами решили», теперь всей гурьбой, единым кли-

ном шли на подмогу к Саньке, и горе тому, кто встанет у них на пути.

Дверь в кабинет председателя резко открылась, в неё буквально влетела Катерина, за ней, столпившись и прижимаясь друг к другу, как перепуганные гусята, и все девушки звена.

– Здравствуйте, уважаемый начальник из района. Мы пришли за Саньку говорить.

Парторг кинулся к ним, пытаясь вытолкнуть:

– Ты рехнулась что ли? Вы уже на поле должны быть. Залетели, как квочки. Быстро пошли вон отсюда. Я вечером ещё выработки ваши замеряю, вместе с ним под суд пойдёте.

– Постой, постой, – остановил его представительный мужчина, – пусть скажут, раз пришли.

Катерина отодвинула в сторону парторга и решительно шагнула вперёд:

– Я знаю, где мы должны быть, а кто трактора заводить будет, если вы Саньку заберёте?

– Не понял, – изумился мужчина, – объяснись.

– Ведь техника на ладан дышит, чего там скрывать. Глохнет и ломается постоянно, а он чуть что – бежит помогать. Его машина стоит, но остальные-то благодаря ему работают. Мы и прозвали его Санька-пускач.

Районный начальник приподнял брови и вопросительно посмотрел на парторга.

– Что теперь скажешь? – перевёл взгляд на учётчицу, – вы

об этом знали?

– Так и есть. Весь день бегают, а своё не пашет.

– Так какого хрена... – взорвался мужчина, но тут же осёкся, вспомнив о присутствующих заступницах, – спасибо, девушки. Идите, не беспокойтесь, а ты, Санька, за дверью подожди.

Когда все вышли, он продолжил разнос:

– Что за клоунаду вы мне здесь устроили? – грозно посмотрел на председателя, – с этими двоими всё понятно, вы куда смотрели.

Председатель с удивительно спокойным и удовлетворённым видом развёл руками.

– К сожалению, я не имею возможности стать рядом с каждым работником и следить, чтобы исполнялись установки. У нас для этого есть учётчик и парторг. Тем более, меня никто в известность не поставил, что есть какие-то недочёты в работе звена механизации. Самостоятельно всё решили, самостоятельно подбили документацию и самостоятельно же вызвали вас.

Районный начальник успокоился.

– Документы переделать. Нарботанные гектары делить на всех поровну, раз уж они у вас одной командой работают.

– Так и есть, работают. Переделаем, – выпалила учётчица, не поднимая глаз от пола.

Мужчина подошёл вплотную к парторгу, который всё так же стоял, вытянувшись в струнку, только бледности в лице

прибавилось.

– Я уже слышал о Вас. О Вашем особом рвении в работе, но почему-то не думал, что Вы и так можете. Ставлю себе на заметку, и, если ещё раз решите на чужом горбу в рай заехать, я и для вас статью подберу.

Парторг чуть не упал в обморок. Нижняя губа задёргалась, а глаза заблестели, как у ребёнка, который вот-вот расплачется. Мужчина подошёл к столу и стал собирать бумаги, подготовленные для него.

– Эту «филькину грамоту» я забираю с собой. Теперь у меня есть документальное подтверждение того, что вы намеренно пытались очернить самоотверженных тружеников тыла. У вас пацан на себе все трактора тянет. Можно сказать, благодаря ему работы вообще продвигаются. В задницу целовать должны, а не оговаривать. Ведь вы ему этими писульками дорогу в тюрьму устлали, – он постучал пальцем по стопке бумаг, – в следующий раз, когда у вас возникнет желание делать в район какие-то доклады, доложите о возникшей ситуации председателю. Он не дурак и во всём разберётся, не надо через голову прыгать.

Мужчина подошёл к двери, взялся за ручку и, обернувшись, посмотрел на учёгчицу.

– Так и есть?

– Так и есть, доложим, – всё так же, не поднимая глаз, ответила женщина.

– Я так и понял, – расстроено сказал мужчина, затем об-

ратился к председателю, – пройдемте со мной.

Перед сельсоветом столпились люди: девчата-трактористы, Василь, почтальон и Санькина мать, Домна Ивановна. Ждали, что будет дальше.

На ступеньки вышли районный начальник с председателем и выдвинули перед собой Саньку.

– Знакомьтесь, – обратился мужчина к собравшимся, – Александр Архипович, младший механик звена механизации. Про Саньку-пускача всем забыть, теперь только по отчеству.

Новоявленный механик спустился со ступенек, демонстративно задрав нос и надвинув на глаза картуз. Василь вернул его на землю лёгким ударом под дых и дружеской похвалой:

– Растыка.

Вечером, после работы, Санька с Василём сидели на бревне. К ним подошла Катерина и незаметно подала знак Василю, чтобы тот отошёл. Он всё понял:

– Ладно, пойду я сумку из трактора заберу.

– Давай, давай, – сказала девушка и, проводив его взглядом, присела рядом с Санькой, который продолжал вытирать руки полыню.

– А почему ты тряпочку не возьмёшь? – спросила Катерина, чтобы как-то начать разговор.

– Полынь лучше любой тряпки мазут впитывает. Потом соляркой сполоснул – и всё, – ответил Санька, не поднимая глаз на Катерину.

Девушка пристально посмотрела на него:

– Думаешь, я не понимаю, как ты на меня смотришь?

– Ничего я не смотрю, – буркнул Санька, насупившись.

– Не нужно это. Ни к чему. Взрослая я для тебя, да и скоро в Сталинград уезжаю на тракторный завод.

– Зачем это? – обеспокоенно спросил Санька.

– Буду для фронта танки собирать. У меня же образование техническое, хоть и незаконченное, но есть. Вот так.

Катерина по-дружески приобняла Саньку одной рукой.

– А ты найдёшь себе девчонку хорошую. Парень ты видный, рукастый.

Девушка пристально посмотрела на подростка и поцеловала его в щёку:

– Ну, бывай, танкист. Вспоминай иногда свою прицепщицу Катерину.

3

Осень незаметно сменила лето. После сильного дождя у звена механизации выдался выходной. Санька, Василь и механик Николай возвращались с удочками с рыбалки. На сломленной с ивового куста веточке у каждого висело по несколько хороших карпов, зацепленных через жабры.

Редкие дни отдыха от колхозной работы всегда были заполнены домашними делами, а тут рыбалка. Красота. Парни шли, никуда не торопясь, босиком, подвернув штаны до колена. Мокрая трава приятно щекотала пальцы на ногах удачливых рыбаков. Они уже подошли к хутору, когда им навстречу с расстроенным видом вышла Нина, девушка двадцати с небольшим лет. Она будто спешила куда-то и, отвернув голову, собиралась молча проскочить мимо.

– Здравствуй, Нина. Как поживаешь? – чуть не вслед ей крикнул Николай, – от супруга твоего новостей нету?

Девушка остановилась, обернулась, подошла вплотную к Николаю и с укором посмотрела ему прямо в глаза.

– Как же не быть-то? Есть, конечно, – протянула механику типографский бланк с печатью.

– Что это?

– Весточка, – Нина чуть не разрыдалась, но сглотнула ком в горле и продолжила язвительно, – только он сам, видишь, не смог написать. Закопали его. Вот командиры оповестили.

Пишут, что нет у Вас больше мужа. Живите сами.

– Ты не переживай, – попытался успокоить её Николай, – война, что же поделаешь, надо жить как-то.

– Ничего не поделаешь? – сверкнула глазами Нина, – друга твоего закопали, а ты здесь, живой и здоровый, с пацанами на рыбалку ходишь. Много наловили?

– Я же не прятался, – попытался оправдаться Николай, – меня председатель в приказном порядке оставил механиком. Броню сделал.

– Ну, да. У мужа моего брони не было, вот его и пристрелили, а ты броневой, – Нина хлопнула Николая по плечу, – тебя пуля не берёт.

С этими словами девушка тихо заплакала, прикрыв рот руками, развернулась и ушла таким же быстрым шагом.

Николай на секунду о чем-то задумался, затем со злостью закинул в кусты удочку, бросил карпов на дорогу и ушёл, ни слова не говоря, в другую сторону.

– Вот дурная, – буркнул Санька, направляясь за удочками в овраг, – Николай-то при чём, он что ли мужа её убил?

– Горе у неё, понимаешь? – сказал Василь, поднимая карпов, – она не знает, что теперь с этим делать, вот и делится со всеми, кого встретит, как умеет. Одной тяжело такое в себе носить.

– Сейчас всем тяжело. Вот она поделилась, а у нас теперь, похоже, механика не будет. Чую я, пошёл он вещи собирать.

Нина вошла к себе в дом. В комнате на полу возился с нехитрыми игрушками пятилетний мальчик Вовка, её сын. Девушка сняла косынку и села за стол с пустым взглядом. Вовка подошёл и заглянул ей в глаза.

– Ты злишься, мама?

Она погладила сына по голове, посадила к себе на колени, обняла его и грустно улыбнулась:

– Нет. С чего ты взял? Просто дура мамка у тебя.

– Почему?

– Хорошего человека ни за что обидела.

Николай вернулся домой в раздумьях. Его мама, тётя Аня, женщина сорока пяти лет, вдова. Бодрая и решительная в поступках, правдуроб, не уверенные в себе мужики просто меркнут на её фоне. В домашних делах никогда ни у кого помощи не просила. Гвоздь забьёт и крышу перекроет. Сейчас она суетилась у печи.

Николай окинул взглядом комнату, посмотрел на мать, повесил кепку на гвоздь у двери, прошёл к сундуку и достал из него вещмешок. Тётя Аня продолжала свои дела.

– Сегодня на ферме коров забивали, – сказала она, – так мы с бабами потроха разобрали и перемыли. Хоть не мясо, но всё равно картошка не пустая получилась.

Тётя Аня поставила на стол чугунок с ужином и только сейчас заметила, что сын куда-то собирается.

– Ты куда намылился, в район опять, за железками?

Николай сел на лавочку и швырнул на пол вещмешок.

– Не могу я так больше, мам.

– Что случилось-то?

– Мужики воюют, а я здесь. Вон Нине только что похоронка пришла. Стыдно ей в глаза смотреть было. Правильно она мне высказала. Может, если бы мы все, у кого бронь, упёрлись, так и отбились уже. Октябрь скоро, а просвета не видать.

– Так и хлеб растить надо. Кто их всех кормить будет, бабы с пацанами? У нас уже ноги не ходят, от зари до зари на работе, а надо успеть и свой огород обработать.

– Я не об этом, – попытался вставить слово Николай.

– А я об этом. На трудовень ничего не дают, всё на фронт.

Ты решил меня совсем одну оставить?

Николай встал и подошёл к матери.

– Воевать пойду. Только не ругайся и не уговаривай. Так надо.

Тётя Аня присела на стул и вздохнула:

– Не буду уговаривать. Иди, раз собрался. Может, ты и прав, надо всем вместе упереться.

У председателя с ним состоялся тоже нелёгкий разговор. Тот метался по кабинету как тигр в клетке:

– Еще раз говорю, что не обязательно тебе сейчас идти. Справляются пока. Будет необходимость, то и меня, и старого Мирона призовут, – председатель остановился и спросил,

опершись на рабочий стол, – на кого технику оставляешь? На пацанов? Знаешь ведь, что ситуация хреновая. Рухлядь работает, а план вынь да положь.

– Ну, чего ты, Андрей Егорович, рисуешь такой ужас страшный? Пацаны эти, как ты говоришь, лучше меня трактора знают, потому как интересно им это пока. Не приелось, – возразил Николай, – справятся.

Председатель расстроено покачал головой:

– Зря ты едешь сейчас. Там бои сильные. Я в районе слышал, что отступают наши по всем фронтам, может, переждёшь?

– Ну вот, а говорил, что справляются. Люди хоть в глаза ещё не говорят, но за спиной шепчут. Вон Нине похоронка пришла, а я здесь.

– На тот свет не опоздаешь. Подумай ещё раз, пока не поздно, хорошо подумай.

– Не рви душу, поеду я, – отрезал Николай.

Санька с Василём смотрели в след подводе, которая увозила их товарища куда-то в неизвестность, так же как их отцов недавно увезла районная полуторка. Что будет дальше – никто не знал. Только ощущение невозместимой потери, пустоты, бессилия перед непреодолимыми обстоятельствами возрастало всякий раз, когда очередной призывник отправлялся туда, откуда ещё никто не возвращался.

Нина шла по улице с ведром воды, левой рукой придерживая ворот телогрейки. Ноябрь вступал в силу. Промозглый ветер и мелкий морозящий дождь били в лицо, заставляя отворачиваться в сторону. Навстречу Нине быстрым шагом шла к себе домой тётя Аня.

– Здравствуй, Анна, – попыталась начать разговор Нина, но та прошла мимо, даже не повернув головы. Подошла к своей калитке, отворила её и прошла дальше в дом, не желая и видеть того, кто надоумил её сына без необходимости уйти на войну.

Нина молча смотрела ей в след, понимая, что Анна имеет полное право на неё обижаться, даже ненавидеть. Она миллион раз пожалела о той минутной слабости, когда обвинила Николая в том, что он живой, а муж её погиб. Конечно, Николай здесь ни при чём. Сердце сжималось каждый раз, когда она вспоминала это всё.

– Здорова, Нина, – раздался голос подошедшего Мирона, – ты Анну не видала?

– Видела, – ответила девушка, – она только что домой прошла.

Мирон, будто смутившись, отряхнул рукой сиденье велосипеда, затем свою почтовую сумку и откашлялся:

– Ты бы домой шла. Она баба решительная, как бы не случилось чего.

– Она добрая, просто обижается на меня и понятно почему, но я вовсе не хотела Николая на войну посылать. Ляпну-

ла, не подумавши, а оно вон как получилось.

Мирон расстегнул сумку.

– Тут другая беда, – он достал знакомый уже девушке бланк, – вот, на Николая пришла.

У Нины из рук выпало ведро и грохнуло об землю.

– Вот так, – сказал Мирон, застёгивая сумку, – как и твой муж, тоже пару месяцев как уехал, и теперь всё, нету. Ты иди, иди.

Нина осталась на месте, а почтальон, ковыляя на протезе и держась за руль своего велосипеда, пошёл дальше.

Тётя Аня стояла рядом с печью у себя в доме. Нужно было немного прогреть, чтобы вечером не возвращаться в холодные стены. Она увидела в окно, что возле калитки топчется и не решается зайти Мирон. Женщина вышла на ступеньки, почтальон, пряча глаза, подошёл.

– Здравствуй Анна. Тут дело такое, – он достал из сумки похоронку и протянул, – прости если что.

Она взяла её в руки, бегло прочитала, взглянула поверх головы почтальона на дорогу, смяла бланк в кулаке и, ни слова не говоря, резко вернулась в дом. Войдя внутрь, она откинула крышку сундука, достала из него завёрнутое в мешковину ружьё, заломила его, заглянула в стволы, резко сложила и спустила оба крючка. Раздался сухой, металлический щелчок. Её сын всегда держал охотничью двустволку в исправном начищенном состоянии. Анна накинула на плечо пол-

ный патронташ и направилась к двери.

На ступеньках её встретил старый Мирон. Поняв, что сейчас произойдёт, он кинулся к женщине, выставив вперёд руки, пытаясь схватиться за ружьё.

– Анна, брось! Это же подсудное дело. Дитё у неё малое, Анна.

– Уйди отсюда, – рывкнула женщина и прикладом оттолкнула старика в сторону. Она вышла за калитку и направилась к Нине, которая стояла на дороге с глазами, полными слёз. Анна на ходу вынула два патрона и бросила патронташ на землю, затем вставила их в стволы и резко сложила ружьё.

– Прости, – беззвучно шевеля губами, прошептала Нина. Анна подошла вплотную:

– У сына моего прощения попросишь, скоро вы с ним увидите.

Приложила приклад к плечу и вскинула ружьё, направив его прямо в лицо девушке. Она подняла взгляд к небу и смиренно закрыла глаза. Раздался выстрел. Косынка с головы Нины, сбитая порохowymi газами, метнулась в сторону как беспокойная чайка.

Тут же из соседних дворов выскочили люди и бросились к Анне, пытаясь её удержать. Нина вытерла лицо ладонью и посмотрела на неё, крови не было. Женщина в последний момент, поборов в себе ненависть, увела стволы в сторону, и заряд прошёл прямо над головой девушки, лишь немного опалив ей волосы.

– Чего ты добилась, сука? – взревела Анна. – Чтоб тебе пусто было!

Женщина с отвращением плюнула под ноги Нине и, отмахнувшись от пытавшихся её удержать соседок, направилась к своему дому. Взяла ружьё за стволы и с отчаянным криком ударила о дерево. Приклад разлетелся в щепки. Анна отбросила в сторону то, что осталось от ружья, и зашла в дом, громко хлопнув дверью.

Всё так же стоявшая на дороге Нина беззвучно плакала, опустив голову. Затем обернулась и тихо ушла, забыв про косынку и ведро, лежавшие на дороге.

Того, что произойдёт через несколько дней, никто не мог предположить. Тётя Аня занималась домашней работой, пытаясь отвлечься от тяжёлых мыслей. Когда останавливалась, то снова накатывала обида неизвестно на кого за свою загубленную жизнь. Была одна отрада – сын, но и его забрала тяжёлая судьбина. В такие моменты снова вставала и начинала что-нибудь делать ещё с большим усердием. Она взглянула в окно, у калитки стояла Нина. Анна подошла к окну и демонстративно задёрнула шторы. Сама отошла немного вглубь комнаты, чтобы её не было видно, и наблюдала за незваной гостьей. Та положила что-то в почтовый ящик и ушла.

Анна вышла во двор, достала из скрипучего колодца воды и поставила на ступеньки перед домом. Затем сходила в сарай за зерном и насыпала в кормушки. Беспокойные куры

сбежались, махая крыльями, и суетились у её ног.

– Тише, тише вы, шалопутные, всем хватит.

Анна взошла на ступеньки дома, наклонилась за ведром с водой, но остановилась, решив всё-таки посмотреть, что Нина положила в почтовый ящик. В нём была записка следующего содержания:

«Не рви сразу, дочитай, пожалуйста. Я виновата перед тобой очень сильно и не жду, что ты меня простишь. Из-за меня сына твоего убили. Забирай себе моего Вовку, а я пойду у Николая твоего прощения просить».

– Куда это ты собралась, малахольная? – сказала Анна сама себе.

Тут она изменилась в лице, о чём-то догадавшись, и бросилась, очертя голову, к дому Нины.

Забежав внутрь, она увидела сидящего на лавочке Вовку. Он был тепло одет, подпоясан пуховым платком, а рядом с ним лежал узел с вещами.

– Мать где? – спросила Анна, немного отдышавшись.

Вовка совсем не понимал, что происходит, и ответил ей с детской наивностью:

– Мамка сказала, что ей уйти надо, а вы меня заберёте, и я теперь у вас жить буду, – он посмотрел на женщину и спросил, удивлённо приподняв брови, – тётя Аня, а мамка надолго ушла?

– погоди, может, не ушла ещё, дай Бог.

Анна выскочила во двор и металась из стороны в сторону,

заглядывала в каждую дверь.

– Нина, отзовись, не дури, – кричала она, – о сыне подумай, как ему без мамки?

За домом, в дальнем сарае, послышался грохот. Анна побежала туда и влетела внутрь. В привязанной к потолочной балке петле висела Нина и билась в агонии. Анна огляделась, схватила стоявшую у стены косу и с размаху перерубила верёвку. Девушка упала на пол. Анна подскочила к ней, стала ослаблять петлю на шее и хлопать девушку по щекам:

– Дыши, дыши. Пацана полным сиротой сделать решила?

Девушка с хрипом вдохнула и закашлялась. Стала вырываться, пытаясь высвободить руки, и говорила сквозь всхлипы:

– Зачем, зачем ты мне помешала? Ведь это я, паскуда, сына твоего убила.

– С ума сошла? – попыталась разубедить её Анна, – его всё равно забрали бы, он сам собирался. Судьба, наверное, что теперь сделаешь? Это я сгоряча на тебя набросилась, прости.

Нина вырвалась и попыталась встать:

– Пусти, я пойду к Николаю. Буду прощения у него просить. Пусти!

– Сдурела? – вскрикнула Анна уже жёстче.

– Забирай себе Вовку, – не унималась девушка, – я всё равно не смогу одна. Не могу, в груди горит всё! Не могу тебе в глаза смотреть! Людям в глаза смотреть не могу! Пусти, я пойду!

Анна прижала к себе Нину, та залилась слезами и уткнулась женщине в плечо. Анна утешала несостоявшуюся самоубийцу, как ребёнка, поглаживая по голове.

– Ты чего говоришь-то? Никто ему не нужен, кроме тебя. Ты же мамка его. И не одна ты совсем, вон какой у тебя парень растёт. Сидит, не ревет. Мужик настоящий, весь в отца. И я вам помогать буду, если простишь.

– Мне тебя за что прощать? – спросила Нина.

– Есть за что. Сама на себя чуть грех не взяла, с ружьём кинулась и тебя чуть в петлю не загнала поведением своим, – Анна чуть отстранила от себя Нину, взглянула в её заплаканное лицо и сама разрыдалась, – прости меня дуру.

Санька с Василём сидели на бревне у озера, перед ними потрескивал костёр, лаская теплом подставленные к нему ладони.

– Вообще не думал, что Нина способна в петлю залезть, – рассуждал Санька. – Чуть руки на себя не наложила. Что в голове у неё было?

– Ничего хорошего, – хмуро ответил Василь, – а ты говорил, что ей по шее надо дать за Николая. Она вон сама себе места не находила всё это время, оказывается.

– Просто думать надо, прежде чем говорить. Так легко конечно, натворила беды, а сама в петлю. Тётю Аню чуть под монастырь не подвела. Нервы у человека не выдержали.

Василь посмотрел на сидящего рядом друга и тяжело

вздохнул:

– Зима скоро, а победы не видать. Со жратвой вообще туго, из колхоза всё на фронт идёт.

– Пусть хоть картошку последнюю заберут, – отрезал Санька, – лишь бы отбились скорей. Мы тут, если что, сусликов и ежей наловим.

Василь хлопнул в ладоши.

– Всё. До весны ты больше никого не поймаешь, кроме зайца. Только рыбалка остаётся.

– Нужно все сети перебрать, пока время есть.

– Переберём, – ответил Василь и задумался, – если война в скором времени не кончится, Пашку заберут, мать с ума сойдёт.

Пришла первая военная зима. Как никогда, холодная и снежная. Она пыталась остудить разогретую огнём землю. Возможно, наша планета и, правда, живая, как предполагают некоторые связанные с наукой люди. Форма жизни не совсем такая, как у нас, но это не лишает её возможности к самолечению. Вот и идут снега, вот и давит мороз. Как холодный компресс, приложенный к воспалённой жаром голове.

Санька и Василь основательно подготовились. Починили сети и удочки. Парни грелись у костра на своём постоянном месте на озере. Зимняя рыбалка – дело холодное и сырое, поэтому огонь в костре никогда не угасал.

– Мать ни живая, ни мёртвая, – сказал Василь, подставив озябшие ладони к костру, – всё время думает о чём-то, слова из неё не вытащишь. От отца писем нет. Тёте Вале похоронка пришла, а мать всю ночь проплакала так, будто это отца убило.

– Она переживает, успеете ли вы вырасти до конца войны или нет, чтобы вас с Пашкой, балбесов, в армию забрать не смогли, – ответил Санька, – наш вон тоже не пишет. Некогда значит. Понимать надо.

– Иди ты, – резко шикнул Василь, – лунку шире долби. Много ты понимаешь. Смотри лом не утопи, как в прошлый раз. Больше нету, я и этот у деда Наума из кузни тиснул.

Узнает, по шее даст.

Санька поднялся, надел шапку, рукавицы и взял воткну-тый рядом в землю железный лом.

– Сколько же он весит? Я его до пруда не допру.

– Допрёшь, – понукал его друг, – я пойду пока петли на зайцев проверю, а потом к тебе. Сеть на шнур надо другую нацепить, эту раки внизу всю в комок перепутали. Просушим и переберём.

– Ладно, – согласился Санька и водрузил себе на плечо простейший и надёжный инструмент, – ох, железяка. Его втроём подкидывать надо.

Тропка, протоптанная в снегу от костра к пруду, была очень узкой, и Санька, несколько раз оступившись, уходил глубоко в снег. Тяжёлая ноша тянула к земле, что уж точно не помогало выбираться снова на тропинку. Подойдя к проруби, он скинул лом с плеча на лёд.

– Не утопи, не утопи, – бурчал он себе под нос, – не дураки. Кое-что в голове имеется.

Санька достал из-за пазухи небольшую верёвку, длиной примерно в метр. Привязал один конец к лому, подтянул как можно сильнее и, немного поразмыслив, завязал ещё один узел. Второй конец верёвки он привязал к запястью правой руки. Ударил несколько раз остриём лома, лёд откалывался большими кусками и отскакивал в сторону.

– Вот это дело, – восхитился Санька, довольный проведённым испытанием, – сейчас в один момент всё сделаем.

Он подошёл к проруби, посильней размахнулся и ударил по кромке льда. Металлический лом зловеще звякнул, соскочил и, как торпеда, ушёл в воду, увлекая за собой привязанного к нему подростка. Тот и сам не понял, как в одну секунду оказался подо льдом. Из проруби торчали только широко расставленные ноги.

Санька открыл глаза под водой. Лома видно не было. Привязанная к руке верёвка, натянувшись, тащила в темноту холодного омота. Он ничего не мог сделать. Второй рукой нельзя было дотянуться до петли. Тело, обожжённое ледяной водой, начинало трясти то ли от холода, то ли от ужаса осознания того, что всё может закончиться прямо сейчас, вот здесь, с верёвкой на руке. В голове мелькнула мысль, что вот также петлёй тянуло на тот свет Нину, только за шею... и вверх. Сердце заколотилось ещё сильнее.

Вдруг Санька почувствовал, что его кто-то пытается вытащить за ноги, и у него это получается. Санька потянулся рукой, пытаясь ухватиться за край проруби. Рывок, ещё рывок, спаситель тянул за штаны, чуть не стащив их вовсе.

Спасённый Санька снова увидел свет и, отплёвываясь от воды, стал глотать воздух, вытираив глаза. Вытянув из воды за верёвку злополучный лом, он откинул его в сторону, сняв петлю с руки:

– Вот же падла, – кряхтел подросток, вытирая глаза, – шапку утопил.

Он откинулся на спину и тяжело дышал. Потом припод-

нялся и увидел своего спасителя, точнее спасительницу. Перед ним сидела на льду девчонка, его ровесница, она трясла мокрыми ручонками и пыталась отряхнуть от воды рукава своей фуфайки. Рядом с ней на снегу лежали два забитых зайца.

– Ты кто? Зачем здесь? – Санька выпалил первое, что взбрело в голову.

– Чего? – переспросила незнакомка.

– Это ты меня что ли? – теперь уже и сам спасённый не понял, что спросил.

– Воды нахлебался? Ясно, – усмехнулась девушка, – ты совсем дурак? Кто же лом к руке привязывает? Придурочный!

– Я это... Чтобы он не утонул.

– Ну как, не утонул?

– Нет.

Санька нервно рассмеялся, девчонка тоже.

– Пойдём к костру, – сказал он, – а то околеем совсем.

Неудачливый рыбак выловил из проруби свою шапку, взял лом за мокрую, уже подмерзающую верёвку и, таща его за собой, полурысью побежал к костру. Спасительница за ним.

Василь находился у костра, разделявал пойманного в петлю зайца и малость оторопел, когда подбежал мокрый, с всклоченной шапкой в руке его друг. Тот бросил верёвку с ломом, водрузил на торчащую рогатину промокший трех и,

танцую от холода, пытался расстегнуть заочевенными пальцами пуговицы ватника.

– О-хо-хо, о-хо-хо, – причитал он, стуча зубами.

– Как тебя угораздило? – спросил удивленный Василь.

– Как, как? Ты же бухтел на меня, чтобы я лом не утопил.

– Ну.

– Вот тебе и ну. Я чуть вместе с ним под воду не ушёл. Вот если бы не она, – Санька указал на стоявшую рядом девчонку с зайцами в руках, – то всё, поминай, как звали. До весны бы меня раки съели и всплывать было бы нечему.

Василь оглядел спасительницу, которая тоже испытующе смотрела на него.

– Фетинья меня звать, но все Фаиной кличут, так проще, ставьте свечки о здравии.

– О здравии, это понятно, – сказал подошедший к ней ближе Василь, – только что это ты здесь делаешь, зайцев наших ловишь?

– Каких это ваших? – возмутилась девчонка и убрала добычу за спину, – они советские, значит, мои. И вообще, спасибо нужно сказать, а не попрекать.

– Не обращай внимания, – вмешался трясущимся голосом, ещё не согревшийся Санька, – это он из-за своей природной вредности нудит, а так-то он приветливый.

– Ясно, тоже придурочный, – констатировала Фитинья.

– Ты откуда? – продолжил знакомство Санька.

– С казачьего хутора. Ладно, пойду, мать ругаться будет,

долго уже хожу.

Девушка развернулась и пошла в сторону пруда, стараясь не оступиться на узкой тропке. Санька заворожено смотрел ей в след. Заметив это, Василь сказал:

– О, я помню этот взгляд. Совсем недавно ты так только на Катерину смотрел.

– А что Катерина? Она взрослая совсем, да и в Сталинград уехала на завод, а я здесь. Может, больше не увидимся совсем.

Василь снова уселся на бревно и вернулся к зайцу.

– Смотри, казаки – люди суровые. Накостыляют – и глазом не моргнут.

– А за что мне костылять-то? – удивился Санька. – Может, не за что будет.

– В прошлом году, – продолжил Василь, не прекращая работу, – конюх наш на мельницу в район ездил и позволил себе в присутствии старого и седого, как лунь, казака коня вилами по спине ударить.

– И чего?

– И того. Дедуля этот старенький конюха нашего нагайкой так приголубил, что фуфайка на спине лопнула.

– Ну, я ж не конюх, – ответил Санька, поправляя шапку на рогатине, – ты знаешь, как я к лошадям отношусь и к ней я, может, серьёзно. За что же меня лупить, если всё чин по чину будет.

– Тогда готовься в староверы креститься, по-другому не

отдадут.

– Посмотрим, ладно, пойду я. Не хватало ещё заболеть.

– Иди, – сказал Василь, – на вот, зайца возьми, а я сети проверю и попозже рыбки ещё занесу.

Санька пришёл домой. Мать его, Домна Ивановна, для порядка побранившись, раздела сына и стала растирать ему грудь и спину крепким самогоном, от испарения которого у Саньки перехватывало дыхание.

– Мам, а чем старoverы от нас отличаются?

– Больше к смерти готовятся, чем живут, и крестятся двумя перстами.

– Разница есть?

– Разницу люди сами себе придумали. Главное – жить по-человечески.

– И всё?

– И всё, – изумилась женщина. – Это и есть самое сложное. Осознать то, что это не мир вокруг тебя, а ты внутри мира. Ну, а сколько перстов, мне без разницы. Я готова и пяткой перекреститься, прости Господи душу грешную, лишь бы все были живы и здоровы.

Санька хохотнул.

– Это как, пяткой?

– Вот так, – мать дала сыну лёгкий подзатыльник, – лезь на печку, добытчик, а я пока твоего зайца с кашей оформлю.

Женщина принялась за готовку, а сама попутно продол-

жила рассказ:

– Вообще, не просто всё это. Дедушка друга твоего закадычного, дед Наум, по нации цыган. Так вот, народ его много чего по миру повидал и знает много. Ему его бабушка рассказывала, что в Библии правда написана, только читать её надо по-особому, между строк.

– Это как?

– Вот, например, был всемирный потоп, и спасся лишь Ной со своей семьёй на ковчеге, и взял с собой каждой твари по паре. Это не значит, что всё было именно на корабле, который он сам построил. Ковчегом могли назвать какое-то место, куда их направили и где они смогли укрыться от потопа. Ещё говорила, что в следующий раз люди не смогут спастись, потому как они сами друг друга поубивают. Ковчег для следующего конца света уже готовы и спрятаны, а людям в них места не будет. Если их даже найдут, то всё равно не смогут понять, что это. Мир заново начнётся, без человечества.

– А где спрятаны, она не говорила? – спросил заморожённый Санька.

– Говорила, что на краю земли, под ледяными шапками. Не могу представить даже где. Наверное, в горах, ледяные шапки только там. Всё спи, проснёшься – как раз готово будет.

Санька укрылся посильней овчиным тулупом и, согревшись, крепко заснул, вспоминая о девчонке, которая выта-

щила его за штаны, можно сказать, с того света.

Вслед за первой военной зимой, пришла вторая. Такая же снежная, но ещё более холодная. Конца войне видно не было. Пашку, брата Василя и всех, кому вместе с ним исполнилось восемнадцать лет, призвали. Жизнь шла медленно и тяжело. Фашисты, получившие достойный отпор под Москвой, снова собрались с силами и повернули на юг. Это не прибавляло оптимизма. Война приближалась к ранее тыловым районам страны.

В отделении почты, где по совместительству находилась сельская библиотека, старый Мирон сортировал корреспонденцию и перебирал подшивки газет. Делал он это уже автоматически, не задумываясь зачем. Рядом за столом сидел председатель и нервно постукивал костяшками пальцев. Получался у него в основном ритм марша, ничего весёленького не выходило. Да и куда там, если до немца сотня километров осталась. Андрей Егорович резко ударил ладонью по столу, от чего старый Мирон испуганно дёрнулся и чуть не выронил газеты из рук.

– Тьфу ты, аж передёрнуло, – ругнулся почтальон, – не греми, без тебя тошно. Район уже бомбили, я теперь к каждому шороху прислушиваюсь, не летит ли чего.

Председатель добрым взглядом с хитрецей посмотрел на друга:

– Как думаешь, старый солдат, удержим Сталинград или

пора вещи собирать?

Мирон прошёлся по комнате к соседнему стеллажу, стуча протезом по деревянному полу, как пират по палубе корабля, переложил подшивки с полки на полку и, обернувшись к председателю, негромко ответил:

– Ты не подумай, что я боюсь, – достал из голенища сапога огромный нож-свинорез, – всегда при мне теперь, на всякий случай.

Старик подошёл ближе и опёрся руками на стол, глядя председателю прямо в глаза.

– Немец за год с небольшим до Волги добёг. Значит, нужно ему что-то в нашей стороне; значит, не отстанет; значит, бить будет.

– Да ясно, что ему нужно, – отмахнулся председатель, – на Кавказ собрался, за нефтью. Раньше без овса нельзя было воевать, теперь без бензина. Нефть теперь – это кровь войны.

– Вот, вот, – продолжил старый Мирон, – они если сюда заглянут, мы ничего сделать не сможем с бабами и пацанами. Войска стоят на стратегических направлениях, а мы так, деревня.

– Значит, возьмём последнего коня, прицепим к последнему трактору большие сани с сеном, всё, что осталось от колхозного стада, погоним впереди и двинем с тобой на северо-восток.

– А вот это видал? – старый Мирон тряс перед лицом председателя крепко сжатым кукишем, – я и в Империали-

стическую от немца не бегал, хоть газом травили, хоть пулемётами брили.

– Куда ты денешься? Дадут распоряжение об эвакуации – и всё. Тем более с этим всем, – Андрей Егорович указал на стеллажи, – никто, кроме тебя, не разберётся.

– Нет уж. У меня здесь жена с дочкой похоронены. Я всю жизнь, с двадцати с небольшим лет, забыть их не могу. Думаешь, сейчас брошу?

Он снова зашагал по комнате:

– Залягу у могилок с обрезом, пусть там меня немцы и закопают, а я, может, одного или двух уложу.

Вдруг Мирон замер, пошатнулся и зажмурил глаза.

– Ты чего, старый? – вскочил председатель.

– Погоди, – почтальон расстегнул ворот и приложил руку к сердцу, – не было такого раньше. Прямо жаром горит за грудиной.

Председатель подбежал к нему.

– Садись, садись, – взял под руку и помог присесть, – прямо плохо?

– Видать, не дождусь немцев, – ответил Мирон, растерянно улыбувшись, – раньше со своей семьёй увижусь. Так да же лучше.

– Ты не вздумай мне, – вскрикнул председатель, – только попробуй меня с этим прощелыгой партторгом оставить. От него толку нету. Только и думает, кому бы статью пришить.

– А из меня что за помощник? Только рядом поскакать

могу.

– От тебя ничего не требуется, главное – рядом будь. Мне голова твоя нужна, а не ноги.

– Это как получится.

Председатель, суетясь, подошёл к вешалке, снял шапку и тулуп:

– Мы тебя сейчас в район отвезём, там госпиталь. Ты потерпи немножко.

– Куда на ночь глядя?

– Ничего. Сейчас тебя Санька вмиг домчит, – уже в дверях обернулся, – через пару часов там будете.

Председатель, запыхавшись, вбежал в дом Саньки, который сидя в углу, возле лампы, точил ножовку трёхгранным напильником. Мать его тут же хлопотала по хозяйству.

– Санька, собирайся, – сказал Андрей Егорович, зачерпывая воды ковшом из ведра, стоявшего на табуретке у двери.

– Куда? – всполошилась Домна Ивановна, – уже почти совсем темно на улице.

Председатель, жадно глотая, выпил целый ковшик воды и вытер ладонью подбородок:

– Сани уже заложены. Надо Мирона срочно в район, в госпиталь отвезти.

– А утром нельзя? – настаивала женщина, – ночью кто по полям ездит?

– Нельзя. Сердце у него. До утра может не дожить. Мне

говорили, что в таких случаях нужно срочно лекарства какие-то дать. А кто здесь сообразит? Да и нету ничего, кроме самогона и чабреца сушёного, – подошёл ближе к Саньке, – давай, родной. Через час с небольшим доедете, если поторопитесь. Дорога одна, не промахнётесь. Сена в сани кинули, лошадь распряжешь и привяжешь. До утра в госпитале перекантуешься.

Санька молча поднялся с табуретки и стал одеваться.

Пока собирались, полностью стемнело. Морозная декабрьская ночь была совсем безветренной. Звёзды маленькими горящими угольками мерцали на огромном чёрном куполе неба. Где-то вдалеке что-то гудело и ухало.

– Дядя Мирон, это в Сталинграде шумит? – спросил Санька.

– Не знаю, сейчас много где шумит, будь оно неладно, – ответил старик, он запрокинул голову, расстегнул воротник и глубоко вдохнул, – воздух свежий какой. Прямо вода ключевая. Не гони, пусть отдохнёт лошадка.

– Вы в порядке? – снова спросил Санька. – Сердце не болит?

– Хорошо всё. Это я, видать, дыму от печки нанюхался. Сейчас уже легче, может, назад повернём?

– Нет, – твёрдо ответил подросток, – меня Андрей Егорович предупреждал, что вы домой проситесь будете. Едем – значит, едем. Посмотрят вас, может, порошков каких дадут.

– Дадут. Им не до меня сейчас. Вон со Сталинграда ранних эшелонами везут.

– Что теперь будет?

– Ничего не будет. Видишь, уже не первый месяц немца держим, значит, можем. Вон от Москвы отогнали и отсюда отгоним. Не переживай, справимся.

– Батя не пишет почему-то.

– Когда писать-то? Там, брат, день прожил и радуйся. Завтра снова под пули. Писем нет, то херня. Главное, что и похоронки нету.

Санька и старый Мирон погрузились каждый в свои мысли. Лошадь шла, поскрипывая снегом. Деревянные ошлифованные полозья скользили как по маслу.

Вдруг кобыла захрипела, наострив уши и задрала голову, стала всматриваться в темноту.

– Что там? – спросил Мирон.

Санька привстал на коленках и посмотрел вперёд.

– Несёт кого-то, дома им не сидится.

– Где? – мужчина приподнялся на локте.

– Вон впереди, на дороге. Сигареты, видишь, мелькают.

Мирон посмотрел вперёд и всполошился.

– Разворачивай, разворачивай скорее.

– Зачем? – не понял сначала парень.

– Волки, мать твою, гони обратно! Давай, давай!

Санька дёрнул повод. Кобыла, будто понимая чего от неё хотят, на месте развернула сани и, не дожидавшись плети,

с места дёрнула в галоп. В это время Санька рассмотрел «огоньки сигарет», они парами качались вверх-вниз и быстро приближались. Вот уже рядом, бегут за санями. Огромные. В холке с телёнка будут. Мирон кричал на них, матерился, кидал в морды пучки сена.

Один из волков, казалось, самый большой, стал обгонять сани с боку и тянуться к кобыле, клацая зубами. Она неслась что есть мочи и, озираясь, выпускала из ноздрей клубы пара.

– Правь по тракту, – кричал старик и пытался достать волка палкой, – если в сугроб слетим, хана нам.

Волк поравнялся с лошадьё и пытался забежать вперёд.

– Твою мать, – зло выругался Мирон, – Санька, чтобы не случилось, не оборачивайся и гони прямо во двор к председателю, понял? Матери скажешь, что я деду Ивану долг отдал.

– Понял, – крикнул парень, глядя перепуганными глазами. Он стал кричать и махать палкой, – пошла, пошла, родимая!

Мирон подполз к заднему борту саней и, кряхтя, перевалился через него. Кубарем он выпал на дорогу, но тут же сгруппировался и встал на колено здоровой ноги, отставив протез в сторону. В правой руке его сверкнула сталь ножа.

– Давай сюда, твари блохастые, трупоеды. Сюда я сказал! – кричал мужчина.

Волки отстали от саней и повернули назад. Мирон понимал, что сейчас всё закончится, но душу грело осознание то-

го, что он скоро увидится со своей семьёй. Они давно ждут его там, куда уходят души человеческие. Мирон зло засмеялся. Так смеялись варяги, раззадоривая себя перед битвой. Старый солдат был рад тому, что предстанет перед своей женой и дочкой как воин, умрёт в схватке, а не на больничной койке.

– Давай, кто первый? Кого я собой заберу?

Вожак сразу бросился на лёгкую, как ему казалось, добычу. Мирон подставил левую руку ему в пасть, ножом ударил животному меж рёбер. Удар, два, три. Хищник заскулил и ослабил зубы.

– Не ждал, тварина? – безумно смеялся Мирон. – Следующий. Сюда, паскуды, я сказал.

В ту же секунду остальные волки с остервенением бросились на него все вместе.

Сани неслись к хутору. Вот уже крайние хаты, а вот и председательская. Лошадь, не останавливаясь, скакала на плетень, попыталась перепрыгнуть, но успела только поджать передние ноги и свалила его, таща за собой сани. Остановившись, как вкопанная, у самого крыльца, она тряслась, тяжело дышала и в безумстве озиралась вокруг, стараясь заметить какую-либо опасность.

Санька соскочил с саней и вбежал в дом. Там при свете керогаза парторг и председатель, услышавшие шум во дворе, уже одевались.

– Там, там, скорее, – запыхавшись, пытался объяснить парень, – дед Мирон на дороге спрыгнул, а там волки.

Андрей Егорович взял из сундука ружьё.

– Где?

– Километра два по дороге, в сторону района.

– Наган с собой? – обратился председатель к парторгу.

– Всегда с собой.

Они уселись в сани и поспешили на подмогу к старому Миرونу. Кобыла, ещё не отошедшая от недавней скачки, снова резво рванула с места.

Увидав большие тёмные пятна на белой, снежной, накатанной дороге, они остановились. Председатель спешился.

– Не слазь, держи лошадь, чтобы не убежала, – сказал он парторгу, зарядил картечью ружьё и пошёл вперёд.

Перед ним предстала страшная картина: растерзанный Мирон лежал, раскинув руки, посередине дороги, рядом с ним огромный мёртвый волк. Ещё один хищник, сильно раненый, волоча за собой вывалившиеся из брюха внутренности, поскуливая и рыча одновременно, пытался отползти подальше. Андрей Егорович вскинул ружьё и дуплетом, почти в упор, разметал его голову по белому снегу.

В дом к Саньке почти вбежал парторг, перевернув стоявшую на пути табуретку.

– Ну, что? Мирон из саней выпал, а ты труханул и смылся, чтобы шкуру свою спасти? – накинулся он на подростка, –

говори, падлёныш.

Санька не двинулся с места. Домна Ивановна тут же схватила из печи тяжёлую железную кочергу и выставила вперёд.

– Только попробуй, – процедила она сквозь зубы, – не посмотрю, что ты партийный, неделю на корячках ползать будешь.

Вошёл председатель и стал между ними.

– Угломонитесь вы, Мирону уже не поможешь, – сказал он, – Санька, расскажи, что там случилось.

– Да чего там говорить, всё ясно, – рявкнул парторг.

– Нас, когда волки догонять стали, – неуверенно начал подросток, – дедушка Мирон сказал мне не оборачиваться и гнать к вам во двор.

– И всё? – переспросил Андрей Егорович.

– Он ещё просил передать матери, что долг деду Ивану отдаёт.

Домна Ивановна подошла к сыну:

– Ясно всё. Иди на кровать, не виноват ты ни в чём. Ты сделал так, как он тебе сказал. Правильно, что послушался.

Парторг, вскипел и в бешенстве сверкал выпученными глазами.

– А мне вот не ясно, – кричал он, – что он правильно сделал? Бросил старика на дороге умирать.

Женщина невозмутимо села за стол.

– Мирон, ещё до революции, с отцом моим служил. Так вот, батька мой накрыл его собой во время бомбёжки, сам

погиб, а Мирону ногу повредило. Её потом врачи ампутировали.

– Ну и что?

– А то, – уже раздражённо ответила хозяйка дома, – понял дед, что им обоим конец, вот и решил сослуживцу внука спасти. Он всегда говорил, что долг за ним, когда отца моего вспоминал, – она кинула презрительный взгляд на парторга с председателем, – не осталось больше в хуторе нашем мужиков настоящих, последнего волки разорвали.

5

В начале марта 1943 года на общем собрании колхоза председатель объявил, что Красная Армия отстояла Сталинград. Парторг толкнул официальную, полную пафоса речь о светлом будущем. Затем слово снова взял Андрей Егорович:

– В общем, земляки, научились наши мужики воевать. Полгода утюжили по одному городу, но выстояли. Не буду даже пытаться завернуть, как предыдущий оратор, всё равно не получится. Всё там по-геройски было. Пленных кучу набрали, даже какого-то важного военачальника в подвале прижали. Теперь по мере того, как наша армия будет изгонять врага, нам нужно готовить к восстановлению всё, что порушено.

Председатель замялся, закашлялся. Все поняли, что речи про победу – это прелюдия. Сейчас он скажет то, зачем всех собрал. Но что это? Какие ещё «радости» к безрадостной жизни добавятся?

– Пришла разнарядка из области, из каждой деревни выделить людей для разбора завалов в Сталинграде.

Кто-то из собравшихся выкрикнул:

– Кто будет на полях работать? План кто будет выполнять?

– А ну тихо! – рявкнул парторг. – Кто там рот раскрыл?

Лагеря свободны, в Сибири все уместятся.

– Хватит, – резко прервал его председатель, – что Вы в

самом деле? – вытер ладонью уставшие глаза и добавил с тяжестью в голосе, – у людей жилы рвутся. Устали все и душой, и телом. Поддержать надо, а не лагерями пугать. Не по-человечески это.

– А я не буду каждого уговаривать, у меня свои методы убеждения, – самодовольно ответил парторг.

Андрей Егорович подошёл ближе к односельчанам и сказал:

– Я знаю всё, что вы мне скажете, я такой же, как и вы, вместе тянем заместо лошади, но разнарядки из области не обсуждаются. Будьте готовы к тому, что кто-то один всё же поедет. Больше ничего сделать не могу.

Вечером в дом Василя пришёл председатель. София чистила картошку, сидя на лавочке, и думала о чем-то, немного нахмурившись. Андрей Егорович нерешительно постучал и приоткрыл дверь:

– Здравствуйте, хозяйева, в гости пустите?

Хозяйка дома удивлённо посмотрела на него, затем изменилась в лице, бросила нож в ведро и сказала решительно:

– Даже не думай.

Председатель попытался что-то сказать, оправдаться, но она была непреклонна:

– Нет, я сказала, никуда он не поедет. Не пушу!

– Вот, я знал, что ты ругаться будешь, поэтому и пришёл сам, заранее всё объяснить.

– Не хрен мне объяснять, – отрезала София, – всех уже забрали: и мужа, и Пашку. Теперь вот и до младшего добрались. Совсем одна останусь.

Председатель подошёл ближе и старался, как мог успокоить её.

– Перестань. Мужики твои воюют, Родину защищают, тут гордиться надо. А Василь, он же не на фронт идёт, на работу. Там кормёжка казённая, свои харчи целее будут. Ну чего ты шумишь?

– Заберите всё, только сына оставьте в покое.

Председатель бессильно всплеснул руками:

– Да не о том я. Его всего на пару месяцев берут, завалы разобрать на дорогах и ещё там что-то. На полное гособеспечение. Весной вернётся, в колхозе руки нужны. Мы их с Санькой двоих отправить хотели, но тот слёг с горячкой.

– Молодец, вовремя заболел, – с укором сказала София.

– Мам, ну, что ты говоришь, – вмешался Василь, – он уже неделю с кровати не встаёт.

– Да знаю я. Что вы из меня дуру делаете? Уже и сказать ничего нельзя, сразу затыкают. Цыц, я сказала. Не поедешь, и всё!

Площадь перед районной железнодорожной станцией была полна людей. Паровоз, явно переживший не один обстрел, навьюченный вагонами-теплушками, стоял на рельсах как виновник торжества. Его котёл был весь в железных клёпа-

ных заплатках, из-под которых чуть заметно пробивался пар. Для тяжёлых работ израненный старичок был негоден, но по тылам, в хозяйственных целях, вполне ещё мог исполнять обязанности рабочей лошадки.

Из кабины высунулся кочегар. Они были похожи с паровозом, как близнецы, только у «железного брата» не было такого словарного запаса.

– Эй, колхозники, чтоб вас клопы заели. А ну, убирайте свои мощи в сторону. Сейчас заплатку сорвёт и снесёт бестолковку, одни уши останутся, или паром обварит.

Толпа, испугано озираясь, попятилась в сторону, подальше от грозного деда.

Вдоль ряда вагонов стояла шеренга из призванных на работы в разрушенный Сталинград сельчан, в основном это были подростки и женщины. Перед ними появился хромой капитан с самодельной тростью в руках, на которую он опирался при ходьбе.

– Товарищи, – обратился он к новобранцам, – этого момента мы ждали очень долго. Многие из ваших близких и знакомых никогда не вернутся домой. Они ценой собственной жизни остановили орды захватчиков на берегах Волги-матушки. Нашей Волги. И я не сомневаюсь, что отсюда, – продолжил он, стуча тростью, – с многострадальной героической Сталинградской земли Красная Армия погонит фашиста до самого логова и удавит окончательно.

У нас сейчас не менее ответственная задача – начать вос-

становление Родины. Естественно наши бойцы присоединятся к нам, когда окончат войну, но ждать некогда, работы непочатый край. Нужно начинать сейчас.

Бригадиры! – крикнул он в сторону. – Провести перекличку и погрузить личный состав в вагоны! Каждый составьте список дезертировавших. С ними будет отдельный разговор. Скоро трогаемся.

Перед строем появился человек со списком на планшете и начал перекличку.

Василь огляделся вокруг. Большая толпа настораживала, так же паровоз, вагоны и всё остальное. Раньше он приезжал в район только на рынок, мельницу или по работе. Максимум переночевать и обратно, а сейчас предстояла серьёзная поездка. Он не боялся, просто это был первый раз в его жизни, когда он уезжал из дома надолго.

– Доценко, Доценко!

Василь, будто очнувшись от задумчивой полудрёмы, услышал грубый голос коменданта и выпалил, задрав руку, как первоклассник:

– Я здесь!

– У вас там пробки в ушах? – выругался суровый служака. – Соберитесь! Пятый вагон! Услышал?

– Услышал, – ответил Василь и стал искать свою «теплушку». Он шёл вдоль поезда, протискиваясь сквозь толпу таких же, как и он, деревенских подростков.

Вот вагон, на котором кто-то старательно мелом вывел

большую цифру пять. В раскрытых дверях стоял парень немногим старше, чем сам Василь. Как и у коменданта, у него был карандаш и кожаный офицерский планшет со списком.

– Как фамилия? – спросил он Василя, заметив, что тот нерешительно топчется у вагона.

– Доценко.

– Так, Доценко, – просматривал он список, – Василий Иванович?

– Да.

Парень рассмеялся. Василь насторожился, не поняв, что такого смешного в его имени.

– Чего ржёшь? – насупившись, спросил Василь.

Парень, улыбаясь, протянул ему руку, чтобы помочь взобраться в вагон.

– Пётр, – представился он, – а ты точно Доценко, не Чапаев?

Василь понял, к чему тот ведёт, и успокоился. На душе стало немного светлей.

Поезд приближался к Сталинграду. Василь стоял и смотрел в приоткрытый дверной проём. В отличие от степи, по которой они двигались до этого, здесь не было снега. Отдельные белые пятна на общем чёрном, закопченном фоне. Сквозь пелену облаков пробились лучи мартовского солнца, но пейзаж совсем не изменился, краски не стали ярче. Раз-

дробленные деревянные балки, искорёженный металл техники, то ли трактор, то ли пушка, сам Создатель не сможет разобраться. Абсолютный хаос, из которого простым мальчишкам предстояло формировать новый мир.

Состав пошёл уже совсем тихо и вскоре остановился, стуча железными буферами. Пётр с планшетом в руках стоял у двери вагона.

– Сидим пока здесь и никуда не выходим, – обратился он к своим подопечным, – я сейчас на инструктаж и вернусь за вами. Дрова в печь больше не подкидываем. Ясно?

– Ясно, – ответили полусонные пассажиры и стали не спеша приводить себя в порядок.

Пётр соскочил на перрон и лёгким бегом направился к другим бригадирам, уже собравшимся вокруг какого-то военачальника, который грозно жестикулировал.

Василь выглянул на улицу. Судя по тому, что развалины были в большинстве своём одноэтажными, он сделал вывод, что это пригород. Видимо, дальше рельсы разбиты.

Подошедший обратно к своему вагону Пётр объявил:

– Выгружаемся. Дальше пешком. Пару часов – и мы пришли.

Двигались не строем, а разрозненной гурьбой, ведь дороги как таковой не было, но Пётр знал направление.

– А ты местный? – спросил его Василь.

– Местный, только места почти не осталось.

– Что тут творилось?

– Творился трендец, а до этого был мой родной город, – с грустной улыбкой ответил Пётр.

– Где мы жить-то будем? Тут разбито всё начисто. Здесь не пару месяцев, как нам сказали, здесь лет десять не разгребёшь.

– Разгребёшь, – ободрял Василя молодой бригадир и шустро перепрыгивал с камня на камень, – наша задача – основные дороги расчистить, чтобы техника могла ходить по тому, что от города осталось. Дальше перегруппировка, получение новых задач, но это уже без колхозников. Вроде так было сказано.

– Хорошо бы, – вздохнул Василь, – дома работы тоже непочатый край.

– Не трухай, к посевной приказано вас отпустить. Поэтому будем стараться за два месяца свою часть работы сделать.

– А жить где? – снова спросил Василь. – Ты так и не ответил. В шалаше?

– Нет, это только кажется, что всё разрушено. Подвалы, в большинстве своём, целые. Там теплее, чем в палатке. «Буржуйкой» топить будем. Сейчас доберёмся и подготовим себе жильё, а на работы завтра.

Василь успокоился и осмотрелся вокруг:

– А город красивый был?

– Э, брат. Не был ни разу?

– Не был. Только в район ездил, в область никогда.

Пётр стал рассказывать про Сталинградские довоенные

скверы, высокие дома, о том, как после работы мужики собирались во дворах. Про рыбалку на Волге рассказал и о том, что её теперь такой не будет. Всё залито нефтью из сгоревшего хранилища. Он говорил о любви к Родине совсем не так, как это делают на праздничных митингах, а так, будто и есть у него с рождения, неосознанно. Он ни разу не произнёс слова «патриотизм», или «долг», эти понятия вытекали из его речи сами собой. Эта любовь к Родине, которая на подкорке у каждого, которую не выжечь из души нашей никакому по счёту рейху.

– Вот и наше место дислокации, – остановившись, объявил Пётр.

Подростки из группы оглядывались вокруг и не находили постройки, подходящей для проживания. Наконец, кто-то из них спросил:

– Где место?

Пётр по-отечески оглядел свою бригаду, осознавая то, что он, можно сказать, бывалый фронтовик, а эти пацаны, кроме деревни и полевых работ, не видели ничего.

– Вон там вход в подвал брезентом занавешенный.

– В той норе жить будем? Поместимся?

– Поместимся. Сейчас спустимся, и увидишь.

Пётр по-хозяйски, как бригадир, пошёл первым.

– Аккуратней, здесь в начале ступеньки разрушены, дальше нормально.

Он спустился в темноту подвала, Василь пошёл за ним.

– Эй, бригадир, ты где?

Внизу послышалось шуршание, что-то упало со звоном, затем крепкое словцо. Наконец, вспыхнула спичка. Пётр зажёл лампу, сделанную из стреляной гильзы от «сорокопятки». Она тусклым коптящим красным пламенем осветила убежище, в котором предстояло жить.

Осмотревшись, Василь убедился в том, что места действительно хватит всем. Стоят две, пока ещё холодные, железные печки, дымоходы которых уходят куда-то в стену. Вдоль стен на досках лежат старые ватные матрацы и одежда, видимо, принесённые сюда из ближайших разрушенных домов.

– Здесь солдаты ночевали во время обороны, – объяснил Пётр, – теперь мы будем. Сейчас бросаем свои баулы и выходим на сбор дров для печей, только очень аккуратно. Сапёры вроде пробежались в этих краях, но всё равно, если увидите боеприпас, то лучше не трогайте. Обозначьте его меткой. Я побегу на кухню, надо вас на довольствие поставить, может, успеем на ужин. Если нет, то только завтра утром поедим.

Бригадир вышел. Остальные стали обустраивать себе места для сна. Расположившись, вышли за дровами. Холодная печь не согреет, а перед сном нужно прогреть помещение, где им теперь жить как минимум два месяца.

На следующий день вышли на первые работы. Предстояло расчищать те места, где раньше была дорога. Участок размечен деревянными колышками, конца которым не бы-

ло видно, они уходили вдаль, за поворот. Работа нехитрая: взял и отнёс в сторону, снова взял и отнёс. Только это были деревянные раздробленные балки, куски стен, состоящие из нескольких кирпичей, скреплённых цементом, разбитая мебель. Мартовские морозы добавляли тяжести, но первым весомым потрясением для Василя было другое: он, ухватив очередной булыжник, кряхтя, пытался его поднять. Под ним он увидел голову человека с раздавленным когда-то этим самым камнем лицом. Всё тело трянуло будто током, он отскочил в сторону, не заметив в руках тяжёлой ноши.

– Тут человек мёртвый! – завопил Василь.

К нему тут же сбежалась вся бригада. Они столпились вокруг, сняв шапки, нерешительно заглядывали друг другу через плечо и старались разглядеть изуродованное тело. Подошёл и Пётр.

– Вот это ещё одна причина, почему надо торопиться. Через месяц всё начнёт таять, и трупы, пока ещё замёрзшие, тоже. Их тогда будет намного сложнее убирать, разлагаться начнут. Болезни могут начаться. Сейчас, пока мертвяки оочевенвшие, с ними легче. Давайте, откидывайте мусор, кое-что покажу.

Пока пацаны разгребали кирпичи, Пётр принёс длинный железный крюк и приступил к обучению.

– Всех жмуrow стаскиваем в одну кучу, потом придёт машина и заберёт. Зацеплять за одежду не стоит, порвётся. Нужно вот так. Сразу говорю, что ему уже не больно и дру-

того способа нет. Он тебе ещё спасибо на том свете скажет за то, что ты его до братской могилы дотащил, а не бросил в куче мусора.

– С этими словами он зацепил погибшего крюком за подбородок и резко дёрнул на себя, крюк с хрустом вошёл под нижнюю челюсть. Несколько человек отбежали в сторону, их тошнило.

– За кость надо, теперь отрываем от земли, потому как он примёрз. Вот так. Чуть влево, чуть вправо и потащили.

Пётр отволол труп на расчищенное место.

– Вот здесь сегодня будем складировать.

Всё изначально казалось ужасным, чем-то невообразимым. Не должны быть везде разбросаны разорванные, раздавленные, изувеченные тела людей вперемешку со строительным мусором. Не нормально это, но уже к полудню парни стали спокойней относиться ко всему. Теперь уже на то, что трупы разрываются во время волочения и обнажаются мышцы и внутренности, никто не обращал внимания и не падал в обморок. К обгоревшим тоже привыкли, они сначала нагоняли жути на парней, а теперь «угольки» не пугали.

Василь уселся на деревянный ящик, снял шапку, вытер испарину на лице, тяжело вздохнул, подняв голову к небу, и прикрыл глаза.

– Эй, деревня! – крикнул ему Пётр, – Не сачкуй! Кирпичи сами по себе в стороны не разбегутся.

– На минуту остановиться нельзя что ли? Мы же не ка-
торжные.

Бригадир подошёл к Василию.

– Можно и присесть, но ненадолго. Видишь, вон там, сол-
дат с автоматом?

– Вижу, – ответил Василь, – сапёры, наверное.

– Нет, не сапёры. Там пленные работают, а это конвойный,
он за ними и за нами приглядывает. Вечером доложит.

– Хрен с ним, пусть докладывает, – Василь вскочил и по-
пытался залезть на полуразрушенную стену повыше. – Где
немцы, говоришь?

– Там, левее, видишь, копошатся? Только к ним подходить
не разрешают.

– А кирпичину кинуть можно?

– Ну, ты чего? Они же военнопленные.

– Конечно, – Василь с укором посмотрел на бригадира, –
убивал, убивал, потом автомат бросил и лапки кверху. Всё,
я пленный, в домике...

– Вроде того, – ответил Пётр, усмехнувшись.

– У меня братан с батей где-то на фронтах. Может быть,
сейчас вот такая же падла в кого-то из них стреляет, а потом
в плен сдастся, и ничего ему не будет?

– Зря ты так, им здесь тоже не сахар. Говорят, мрут как
мухи.

– «Каждому по заслугам его воздастся». Так моя бабушка
Поля говорит.

– Это точно. Только не все поголовно немцы сволочи и убийцы. Вон на «балканах» мельница стоит, так её немец построил и не побоялся в таком месте жить.

– В каком это таком? – переспросил Василь.

– Песенка есть:

Мы, балканские, отпеты,

Кандалы на нас надеты.

На балканах, на краю

Покончаю жизнь свою.

Лихой райончик, можно за дурное словцо и без ушей остаться. Но немец этот прижился, а мельницу так построил, что в неё тяжёлая артиллерия прямой наводкой била, била, да не разбила.

На следующий день бригада как всегда завтракала перед трудовым днём. Алюминиевые ложки бодро постукивали о котелки.

– Ну как тебе каша, сытная? – спросил Пётр у Василя скорее для того, чтобы начать разговор и отогнать от себя ещё одолевающий его сон.

– Как тебе сказать, чтобы не обидеть? – усмехнулся тот, глядя на дно своего котелка. – Мы дома таким поросят кормим.

– Кучеряво колхозники живут.

– Куда там, кучеряво. Та же самая крупа, капуста и картошка, только готовим по-человечески. Здесь, видно, кипят-

ком запарили и всё. Вот если эту кашу потомить пару часов в печи, чтобы она дошла до нормальной готовности, да шкварки в неё добавить и с чесночком вприкуску, то мировой харч образуется.

– Надо посоветовать тебя на кухню. Потянешь?

– Будете ещё в очереди за добавкой стоять, – гордо ответил Василь.

Конвойный привёл с собой десять человек военнопленных. Василь мельком взглянул на них и отвернулся, насупившись.

– Что-то вас мало сегодня, – обратился Пётр к конвойному.

– Забрали всех на другой участок, а так как здесь тоже работать надо, то оставили чуток. Будем, считай, одной интернациональной бригадой.

Василь стал выражать всё своё недовольство:

– Чего им дома не сиделось? Припёрлись сюда, сволочи.

– Эй, фрицы, – обратился Пётр к пленным, – у вас спросили, зачем вы сюда припёрлись?

Один из немцев вопросительно посмотрел на конвойного, тот перевёл вопрос. Немец ответил на своём языке:

– Нас не спрашивали, хотим мы сюда или нет.

– Говорит, что не по своей воле, – снова перевёл конвойный, – все они сейчас обделённые, как по шапке получили, без слёз не взглянешь. Вы бы их видели, когда они к Ста-

линграду подходили. Бравые, рукава до локтя подвёрнуты. Нам политрук читал их перехваченные письма. Хвастались, обещали домой гостинцы привезти, один писал, что им после победы земли здесь нарежут и пленных на работы дадут, сколько пожелаешь. Рабов, в общем. А вышло, что сами теперь в пленных рабах.

Пётр встал, держа в руках пайку тёмного хлеба.

– Может, поймут теперь, что не надо больше на нас кидаться?

Конвойный с пренебрежением посмотрел на него:

– Поймут. Как же. Первый раз что ли кидаются?

Пётр разломил пополам свою пайку, показал её конвойному и спросил:

– Можно дать?

– Можно, но держи ухо востро.

Парень протянул кусок немцу, с которым до этого разговаривал:

– Как твоё имя? Звать тебя как?

Тот понял вопрос и ответил, откусывая хлеб:

– Ганс.

– Ну вот, Ганс, будем теперь вместе разгребать всё, что вы здесь наворотили.

Работы шли. Постепенно из груды обломков образовывались улицы, если их можно было так назвать.

Пётр пытался вытащить обломленную деревянную балку

из полуразрушенной стены. Отдыхавший на собранной на скорую руку лавочке Василь долго смотрел на потуги бригадира. Затем встал и, собравшись идти к нему, крикнул:

– Помочь что ли, товарищ начальник?

– Перекури, – отмахнулся Пётр, – мы сами. Эй, Ганс, иди сюда. Рванём эту деревяшку.

Пленный нехотя пошёл в сторону Петра, бормоча себе под нос по-немецки:

– Слабоват ещё? Сейчас дёрнем. Какой идиот вас сюда прислал.

Они вдвоём взялись за балку и на счёт резко толкнули. Она подалась, выворачивая кирпичи. Стена стала осыпаться и обнажила на самом своём верху что-то чёрное, похожее на бочку.

Василь приложил ко лбу ладонь, прикрывая глаза от солнца и прищурившись, попытался рассмотреть находку. Все, кто находился рядом с Петром и Гансом, замерли.

– Хреновня какая-то, – только и успел произнести Василь.

Не разорвавшаяся по какой-то причине тяжёлая фугасная авиабомба медленно, со зловещим скрежетом металла о кирпичную кладку скользнула вниз. Раздался взрыв... Василь не видел и не слышал такого в своей ещё недолгой жизни. Нос, рот, глаза мгновенно забило землёй, он не мог ни вздохнуть, ни пошевелиться, так как тело его онемело от удара взрывной волны. Всё вокруг пропало, кончилось в один момент.

Василь с трудом очнулся. Свежепобеленный потолок с ви-сящими на нём не горящими лампочками переливался крас-ными бликами от огня печи. Парень посмотрел на неё, но тут же отвернулся, яркий свет резал глаза. Угольный едкий дым перехватил дыхание, и Василь закашлялся.

– Вот же косорукий, – негромко выругалась пожилая жен-щина в сделанной из фуфайки телогрейке, накинутаой по-верх белого халата, – сколько раз говорила, прикрывай двер-ку. Люди и так при смерти лежат, ещё передушатся от дыма.

Она увидела, что Василь пришёл в себя, и подошла к нему.

– Очнулся? Вот и молодец.

– Как я здесь... – парень не договорил и снова закашлял-ся, – Петруха где?

Женщина отвела глаза и, смутившись отчего-то, стала по-правлять шинель, которая выполняла функции одеяла.

– Нету Петрухи, – она посмотрела в глаза Василию, – ты-то чудом живой. Вон только руку немного повредило.

– Я в стороне был, – Василь осмотрел перевязанную ла-донь.

– Вот и радуйся, – женщина гладила парня как ребёнка, – живи дальше и Бога не гневи. Ты один из всех целый остался. Остальных клочками разбросало.

Василь отвернулся и уткнулся лицом в подушку.

6

Ласковое майское солнце освещало больничный двор и яркую молодую листву, которая всем смертям на зло стала появляться на уцелевших в огне бомбардировок ветвях деревьев. Вокруг разливались весёлые звуки аккордеона. Василь помогал санитарам грузить машину. Из окна выглянула женщина и крикнула ему:

– Эй! Иди скорее, а то опять всё пропустишь.

– Ничего, – ответил парень, закидывая в кузов полуторки последний тюк с бельём, – я и здесь хорошо слышу, как она играет.

Он забежал в больницу, поднялся на второй этаж и вошёл в большую светлую палату с открытыми окнами, там на скорую руку соорудили что-то вроде концертной площадки. Поставили полукругом стулья и кровати, расселись на них. В центре на табуретке сидела девочка с аккордеоном и исполняла песни для раненых и работников госпиталя. Её маленькие, но шустрые пальчики порхали по клавишам инструмента, который, казалось, был больше, чем сама девочка вместе с табуреткой.

Выступление закончилось. Подошёл мужчина и взял в руки аккордеон, девочка встала, поправила русые косички с бантами и стала кланяться публике. Овациям в палате не было конца. Мужчина повесил инструмент на плечо и взял за

руку юную артистку. Когда они прошли почти весь коридор, Василь выглянул и крикнул им в след:

– Алька! Ты хоть свою фамилию скажи!

Девочка обернулась и посмотрела на него удивлённым взглядом:

– Зачем тебе?

– Станешь знаменитой артисткой, буду всем рассказывать, что кашу с тобой из одного котелка ел.

Она на секунду задумалась:

– Пахмутова. Хвастайся на здоровье.

К Василию подошёл доктор:

– Здравствуй, в рубашке рождённый. Как рука?

– Не болит, только вот пальцы почему-то согнулись и не шевелятся.

– Ничего, – успокаивал доктор, – сам на ногах, и здорово. До сих пор не пойму, как ты жив остался? Ладно, собирайся домой, заждались уже.

Отъезжая на подводе от Сталинграда, Василь обернулся. По сравнению с уже зелёной степью, город резко контрастировал. За два с небольшим месяца, когда парень первый раз увидел всё это, пейзаж не изменился. Тёмные, красноватые руины и в середине, как гора пепла, Мамаев курган.

Василь вздохнул. Он ехал домой, туда, где хоть и не очень сытно, но мамка рядом. По дороге вспоминал своё детство: как ловили раков, купали коней, Саньку, который только что

вылез из проруби и, дрожа всем телом, пытается отогреться у костра. Отца вспоминал и старшего брата. Где они сейчас? Как живут, тяжело, легко ли? Лишь бы живы были.

Раннее утро в деревне было тихим и безветренным. Где-то кричали беспокойные петухи и будили свои пернатые гаремы. В зарослях, покрытых свежей, молодой листвой, пели свадебные песни соловьи, непременно заканчивая каждый куплет баллады коротким ярким аккордом, будто ставя точку в очередном четверостишье. Они ещё с ночи не переставали и закончат, лишь когда солнце нежными лучами приласкает землю, отряхивая сочную траву от прозрачной росы. Испарина от речки зависла лёгкой дымкой над зеркальной поверхностью воды и освежала свисающие по берегу белоснежные ветки пышно цветущей, дурманящей своим колдовским ароматом черёмухи.

Санька сидел на берегу и не обращал внимания на всё великолепие, происходящее вокруг. Он просто перестал его замечать, так как видел это каждую весну. У него сейчас было куда более важное занятие. Сделанный из гусяного пера поплавок начал потихоньку кивать из стороны в сторону. Какая там, к лешему, черёмуха с соловьями, когда поклёвка началась? Он чуть привстал, взял осторожно в руки лежащее до этого на воткнутой в берег рогатине удилице и застыл в напряжении. Вот сейчас, ещё пару секунд, и ленивый, как закормленный поросёнок, тёмно-золотистый круглощё-

кий лить распробует наживку и утопит поплавок. Вот ещё секунду, не торопись. И... Плюх.

Санька был просто в ступоре от произошедшего. Прямо рядом с поплавком в воду упала сухая коряга, разбросав в стороны брызги воды. Он взглянул вверх. Не могла эта хреновина сама прилететь.

– Ты чего сделал, рожа бессовестная, – вскрикнул Санька в ярости и обернулся на заросли, – выходи, кто там? Я сейчас этой палкой по голове настучу.

Из-за дерева вышел вполне довольный собою Василь.

– Вот я знал, что ты здесь ошиваешься, опять будешь потом весь день за рычагами носом клевать.

Санька расплылся в улыбке и кинулся навстречу другу, сняв с головы картуз.

– Васька! Ну, ты и морда. Где так долго пропадал? – говорил он, обнимая однокашника, – мы тут заждались все. Тётя София председателю всю плешь проела, чтобы тебя домой отпустили.

– Видишь, отпустили, – отвечал не менее радостный от встречи Василь.

– Эге. Что это у тебя? – спросил Санька, заметив у друга неестественно согнутые пальцы.

Тот, замаявшись, спрятал руку за спину:

– Потом расскажу. Вы во сколько на бригаде собираетесь? Надо к парторгу явиться.

– Как обычно, в семь утра.

– Ладно, рыбаць, я домой зайти успею.

– Какая теперь рыбалка? Подожди, я удочку соберу и провожу тебя.

Друзья шли рядом по тропинке. Под ногами шелестела прошлогодняя сухая листва, через которую торчали уже отцветшие подснежники. Пришло время других первоцветов. Хохлатка радовала яркими, на фоне коричневой листвы, маленькими гроздьями необычных цветов и рассеченными листочками. Белая, красная, фиолетовая, она ковром устилала дубовый лесок, через который проходила дорога к дому.

– Рассказывай, что там, в городе, творится? – спросил, наконец, Санька.

– Трындец там, всё развалено. Кругом каша из кирпичей, обгорелого железа и мяса.

– Какого мяса?

– Человеческого. Иногда не разберёшь, где наше, а где немецкое. Вот и разгребали всё это. Здания были по пять этажей и выше, сейчас одни руины.

Санька на минуту задумался и снова спросил осторожно, как бы между делом, скрывая истинное любопытство.

– С рукой что?

– Бомба взорвалась, если бы я ладонь не подставил, осколок прямо в башку бы мне прилетел.

– Пальцы не работают?

– Нет, жилы перебило, – ответил Василь, показывая пока-

леченную ладонь другу, – сухая стала.

– Побегу я, а то на работу скоро. Мы сейчас на току семена готовим. Приходи сразу туда, чуть позже. Парторг с нами постоянно отирается, – Санька многозначительно поднял указательный палец вверх и добавил, – для предотвращения возможного хищения народного добра народом. Видал, как загнул?

– Давай, увидимся.

Василь хлопнул друга покалеченной ладонью между лопаток. Тот выгнулся и поморщился, почёсывая спину:

– Аккуратней култышкой своей махай.

Василь с довольным видом постучал ребром правой ладони о левую и добавил:

– Дубовая. Надо попробовать разок в лоб зарядить.

Василь аккуратно, почти на цыпочках, подошёл к забору своего дома. Он издалека увидел, как его мать, окружённая курами, хлопчет по хозяйству, постоянно отгоняя от ведёрка с зерном надоедливое белое козлёнка, который так и норовил похрустеть чужим завтраком.

– Иди отсюда, прилипала, – покрикивала женщина, – сейчас этим ведром по рогам получишь.

Василь стоял у плетня и, расплывшись в улыбке, наблюдал знакомую ему повседневную деревенскую жизнь. Оказалось, всё то, чего он раньше не замечал: запахи, звуки, все мелочи – это отдельные мазки, составляющие полную картину его

Родины.

– Гражданочка, водички не дадите попить? А то так кушать хочется, что переночевать негде, – пошутил Василь.

София на голос резко обернулась и уронила ведро, рассыпав зерно. Козлёнок тут же с жадностью набросился на лакомство.

– Мам, смотри, что делает.

– Да шут с ним, сынок.

София прикрыла губы рукой, на её глаза накатились слёзы. Василь, заметив это, поспешил войти во двор.

– Ну, чего ты? Всё хорошо, я приехал, иди, обниматься будем.

Василь обнял мать, затем немного отстранился и спросил:

– Ну как я, подрост?

– Подрост, подрост, повзрослел. Угловатый какой-то стал, кожа да кости, – она потрепала его за нос, – шнобель и кадык. Бриться уже пора, усы клочками торчат, как у татарина.

– Ну, обласкала, хоть обратно уезжай.

– Я тебе уеду, – женщина отогнала от ведра с зерном козлёнка, который, уже наевшись вдоволь, отпрыгнул в сторону и стал задираться на гусей, – пойдём в дом, сынок. Сейчас молочка наежу, с утра пышек напекла, перекусишь как раз.

– Это я с радостью, тут даже уговаривать не придётся.

Василь с довольным видом сидел за столом. Всё вокруг родное. Кошка трётся у ног и мурлычет, в окно бьётся заблуд-

дившаяся муха.

София поставила глиняный кувшин и через марлю процедила в него молоко. Затем налила в алюминиевую кружку, поставила перед сыном и убрала полотенце с аккуратной горки пресных золотистых пышек. Василь взял всю тарелку, пододвинул к себе и, наклонившись, понюхал.

– Ну, всё, я дома.

Он с жадностью откусил кусочек и запил свежим прохладным молоком.

– Чего же это я? – всплеснула руками София. – У меня для такого случая медок припасён.

Она достала из буфета небольшую баночку, покрытую сверху материей, открыла и поставила перед Василём.

– Ну, вот. Теперь вкуснее будет, кушай. Я пойду во двор, кур так и не покормила.

Женщина поспешно вышла, оставив сына одного. Он жевал и оглядывался по сторонам. Всё вокруг знакомое, родное, всё, как и раньше, на своих местах. Не хватает только отца с братом. Ничего, вернуться скоро.

Хозяйка торопилась в дом, придерживая в руках передник.

– Вот яичек собрала. Давай пожарю.

– Угу, – ответил Василь с набитым ртом.

София разожгла керогаз и поставила на него сковородку.

– Надо было, наверное, сначала яичницу, а потом уже пышки с молоком.

– Ничего, – отвечал не перестававший жевать Василь, – я и после яичницы молочка поплюю. Надо на мехток сходить, у парторга отметиться.

София поставила на стол сковородку.

– Ешь, днём сходишь, отдохни с дороги.

– Я лучше сразу.

– А ну, цыц, – отрезала София и несильно стукнула ладонью по столу, – сказала днём, значит, днём. Не успел домой вернуться, а уже убегаешь. Я сейчас на ферму пойду и скажу, что ты вернулся, – она задумалась на секунду, опустив глаза и смахивая рукой крошки со стола, – успеешь ещё. С пальцами что у тебя?

– Ударился, теперь не разгибаются.

– Я им ещё выскажу, сына калекой сделали.

– Не надо, мам, – попытался возразить Василь.

– Женой будешь командовать, – строго ответила София, но тут же оттаяла и, встав из-за стола, со спины подошла к сидящему на табуретке сыну и погладила его по голове и плечам, – отдыхай, я пойду. Не раньше полудня из дома выйдешь. Понял?

– Понял, – ответил Василь, снизу вверх посмотрев на мать.

В полдень работа на мехтоку шла полным ходом. Женщины, от пыли подвязав волосы косынками, подкидывали зерно деревянными, похожими на весло лопатами. Санька во-

зился со стоящей неподалёку прицепной сеялкой.

На лавочке, спрятавшись от солнца под камышовым навесом, расположился парторг. Он расстегнул ворот рубахи и обмахивал кепкой потное лицо. Он постоянно поглядывал на Нину, работающую вместе со всеми, нехотя встал и, прищурившись, поднял голову к небу.

– Нина, пойдём, поможешь мне, – он сделал несколько шагов в сторону и обернулся.

Девушка, пряча глаза, делала вид, что не слышала.

– Нина, – прикрикнул парторг.

– Да, – неуверенно отозвалась она.

– Пойдём, говорю, поможешь.

С этими словами он не спеша последовал к дальнему складу. Нина, опустив голову, шла за ним, как бычок на бойню.

К работающим подошёл Василь. Он был в белой рубашке, брюках и новой кепке.

– Здравствуйте, кого не видел.

– Ты посмотри, фронтовик наш вернулся, – радостно вскрикнула тётя Аня, – знаем, знаем. Мать твоя с утра уже хвасталась, что ты приехал.

Девушки остановили работу и, улыбаясь, смотрели на повзрослевшего парня.

– Ты насовсем или как?

– Насовсем, – чуть высокомерно ответил Василь.

Подошёл к Саньке, протянул ему руку для приветствия. Тот поздоровался и сказал с брезгливым видом:

– Какая у тебя кривулька жёсткая. Фу.

– Вот, вот, имей в виду, – Василь огляделся, – а где парт-
орг? Ты же говорил, что он с вами будет.

– Здесь он, к новым сараям с Ниной пошёл.

– Куда?

– Пойдём, провожу, – Санька вытер руки тряпочкой, – тут
у нас ударно всё. Война кончится, точно в миллионники вый-
дем.

Парни не спеша пошли в ту сторону, куда пару минут на-
зад прошли Нина с парторгом. Санька продолжал нахвали-
вать хозяйство.

– Видал, чего строить будем? Конюшню, коровник. Те-
перь и ты нам в помощь.

– погоди ты, – перебил его друг, – слышишь?

– Что? – не понял сначала Санька и тоже стал прислуши-
ваться, – вроде плачет кто-то.

– Пошли, – позвал Василь и поспешил к самому дальнему
сараяю.

Чем ближе они подходили, тем яснее слышали, как Нина
причитает сквозь слёзы:

– Не надо, ну, не надо, отпустите.

И тут же приглушённый бас парторга:

– Тихо, тихо, не шуми. Я тебе харчей подкину, успокойся.

Парни резко открыли дверь. На усыпанном соломой полу
лежал парторг, навалившись грузным телом на хрупкую де-
вушку, и пытался залезть руками ей под юбку.

– Ах, ты, паскуда, – вскрикнул Василь.

Парторг, спотыкаясь, попытался встать, попутно подтягивая штаны и заправляя рубаху. Нина вскочила и убежала в открытую дверь.

– Вы чего сюда припёрлись, ублюдки? – стал напирать парторг, – если кому хоть слово скажете, я вас в лагерях сгною, недоноски.

Санька двинулся на него.

– А ну, иди сюда, тварина.

Тот выхватил из кармана наган.

– Стоять! Только попробуйте ещё шаг сделать. Оперились? Я вас быстро ощиплю.

На шум прибежали женщины с деревянными лопатами в руках.

– Что у вас тут, почему Нина убежала в слезах? – спросила тётя Аня.

– Вот этот валял её здесь, на полу, – ответил Санька, – под юбку лез.

– Прибежали они, – с издёвкой в голосе вскрикнул парторг, – дело молодое. Она одна, я один, вот и сговорились.

– Только не надо мне брехать, что любовь у вас, – продолжила тётя Аня, – ты себя видел? Старый хрен.

– Ничего страшного, с неё не убудет.

– Ты из ума выжил что ли?

– Да я вас всех тут... – начал парторг, но одумавшись, спросил с ехидной улыбкой, – или тебе завидно? А то смот-

ри, я же не только к ним, я и к тебе могу вечером зайти. Ты ещё ничего такая, в соку.

Тётя Аня переменилась в лице, догадавшись, о чем тот говорит. Обернулась к стоящим у неё за спиной девушкам.

– Кого ещё из вас он вот так же в сторонку отводил?

Те опустили глаза. Тётя Аня снова посмотрела на ехидно улыбающегося парторга.

– Ну, чего ты, Анна? Соглашайся, все понятливые.

В тот же момент она, не задумываясь, ударила парторга лопатой по голове, тот вскрикнул и упал. Остальные девушки тоже набросились, избивая кто ногами, кто лопатой. Они с остервенением втапывали в землю упавшего, будто это он, именно он виноват во всём, что творится вокруг. В том, что мужики на войне, в том, что пахут они как лошади, в том, что дети сиротами растут, во всём виноват вот он.

Санька с Василём, никак не ожидавшие такого развития, стояли в оцепенении, не понимая, что происходит, так быстро всё случилось. Парторг сначала вскрикивал под ударами, пытался просить, но потом затих.

Вбежал председатель.

– Бабы, бросьте! – он кинулся в толпу, пытаясь растолкать женщин. – Хлопцы, помогайте! Чего стоите? Они же его угробят. Пересажают всех, дуры!

Когда с трудом всех разняли, парторг лежал на полу, раскинув руки в стороны. Лицо его представляло собой кровавое месиво, одежда изорвана. Председатель присел на кор-

точки рядом с ним и приложил руку к груди:

– Вы чего натворили?

– Этот нелюдь чуть Нину не изнасиловал, – вскричала в ярости тётя Аня, – а вот этих четверых уже успел.

– Мёртвый он, – с безысходностью сказал председатель, – понимаешь?

– Как мёртвый?

Одна из девушек вскрикнула, испугавшись, и закрыла лицо руками.

Андрей Егорович молча вышел из сарая и пошёл под навес, где до этого сидел парторг, все последовали за ним, в душе надеясь, что этот умудренный жизненным опытом мужчина сейчас всё решит. Он сел на лавочку, бросил рядом с собой кепку, прижался спиной к стене и закрыл глаза.

– Что же теперь будет? – спросила одна из девушек.

– Ничего не будет, отправят всех на каторгу, а может, и расстреляют. Это как решат. Детей в богадельню или по родственникам.

– Он ведь полдеревни перетоптал. Это ничего не значит? – с укором спросила тётя Аня.

– Значит, – уже жёстче ответил Андрей Егорович, – вот если бы Нина его по голове долбанула прямо в этот момент, тогда бы зачлось. А так вы его гурьбой уработали, когда уже никому ничего не угрожало, – он минуту помолчал, усиленно о чём-то думая, – какого хрена молчали, партизанки, вашу мать? Или я враг вам, а ему друг? Сами знаете, что если

бы была возможность, то погнал его отсюда поганой метлой. Сразу надо было говорить, с первого случая. Тогда бы все были живые и нетоптанные.

Он снова задумался и добавил:

– Эх, не надо было Ивана Наумовича отпускать. Хоть в ногах у него валяться, хоть на замок закрывать. Вот кто парторг от бога. Не было при нём никакого беззакония.

Председатель надел кепку и встал. Отошёл в сторону медленным шагом, опустив голову и заложив руки за спину, затем резко обернулся.

– Слушайте сюда. О том, что здесь случилось, никому ни слова. Не знаем ничего, и всё. Бабы, это вас касается, рас-треплетесь – себе хуже сделаете. Когда приедет милиционер, чтобы стояли все перед сельсоветом с тёплыми вещами и детьми. Санька и Василь, вы – к сараю, чтобы никто без меня туда не вошёл. Остальные по домам, готовьтесь, – и добавил громче, грозно трясая кулаком в воздухе, – и рот на замок!

К сараю, где произошло убийство, подъехали подвода с двумя санитарями и участковый на мотоцикле с председателем в люльке.

– Идите пока под навес, когда нужны будете, позовём – сказал председатель стоявшим у дверей Саньке и Василю, а сам с участковым прошёл внутрь.

На полу всё так же лежал убитый парторг. Участковый осмотрелся.

– Почему ты говорил, что он погиб? Тут дураку ясно, что его забили насмерть. Причём не один человек работал, потому как пострадавший не маленький сам по себе и просто так не дался бы.

– Бабы наши, лопатами.

– Та-ак, рассказывай.

– Дело такое. Он, оказывается, почти всех девок в деревне силой перепробовал. Они его прихватили, когда тот очередную в сторонку отвёл. Вот и не выдержали, выплеснули всё, что накопело.

– Неплохо накопело, – констатировал участковый, – ты-то куда смотрел?

– Они даже друг другу ничего не говорили, – развёл руками председатель, – вот он и обнаглел от безнаказанности.

– Где они все?

– У сельсовета ждут.

– Пойдём, – сказал участковый, застёгивая планшет с бумагами. Выйдя на улицу, он скомандовал сидящим на телеге санитарам, – пострадавшего грузите и поезжайте в район. Я тут сам управлюсь.

Председатель с участковым подъехали к сельсовету. Недалеко, в сторонке, находились виновницы происшествия с узлами в руках, рядом бегали неугомонные дети, те, что постарше, просто стояли, насупившись.

– Эти? – спросил участковый у председателя.

– Эти. Заходи, я к тебе их позже заведу, никуда не денутся. Они прошли внутрь.

– Располагайся, – председатель указал во главу стола.

Участковый присел, достал планшет и стал раскладывать бумаги на столе. Андрей Егорович прохаживался по комнате и подбирал слова для разговора.

– Что им теперь грозит?

– Суд решит, но если учесть группу лиц и особую жестокость, то по полной.

– Ведь если рассудить, то они ему за дело вломили. Перестарались немного.

– Немного? – переспросил участковый, – они из него котлету сделали.

– Ведь всплывёт всё на суде, за что они его. Правильно?

– Правильно. Я всё запишу и постараюсь, чтобы учли при вынесении приговора.

Председатель, как осторожный охотник, зашёл с другой стороны:

– Он партийный, нехорошо будет.

– Именно поэтому все обстоятельства и должны быть внесены в протокол. Я тоже партийный, но не считаю возможным в данных обстоятельствах защищать «честь мундира», – участковый пристально посмотрел на председателя и добавил, – я считаю, что если ты в партию вступил, то двойной спрос должен быть. Не только перед своей совестью отвечай, но и перед всем народом.

Андрей Егорович одобрительно закивал головой, но у него было опыта побольше, чем у молодого милиционера, а веры в непогрешимость власть имущих меньше.

– Согласен с тобой. Всё правильно говоришь, но всё же. Не хочу наговаривать. Ты же знаешь, какие писаки там сидят? Ещё что политическое из пальца высосут. Ведь и к стенке поставить могут. Детей-то мы сами воспитаем, ни в какой интернат не отдадим. Обидно только, что мамки ни за что пропадут. Ведь и у парторга дети есть дома. Какое им клеймо на всю жизнь из-за отца-насильника?

– Что я могу сделать, – развёл руками участковый, – закон есть закон, правда есть правда.

Андрей Егорович заметил, что сомнения стали закрадываться в душу молодого стража порядка. Надо аккуратно давить, но не пережать бы:

– Правда – она у каждого своя. Главное – правильно понять, как сделать: по закону или по справедливости.

– А в чем разница?

– Законы головой писаны, а справедливость – она от сердца идёт, – с хитрым видом сказал председатель.

Участковый откинулся на спинку стула.

– Ты что задумал, старый аферист?

– Глянь сюда, расскажу.

Милиционер подошёл к Андрею Егоровичу и взглянул в окно. Там, у забора, вокруг старой кобылы, опустившей голову вниз, скакал недавно рождённый жеребёнок. Он взбры-

кивал, подкидывая ноги вверх. Затем обнюхал голову кобылы и подошёл к вымени.

– Вот смотри, – начал председатель, – малой этот мамку свою сердцем любит, хотя, по правде, она как кобыла уже не дюже хорошая.

– Хватит присказками говорить. Всё я понял. Что предлагаешь?

К женщинам, стоящим неподалёку от сельсовета, подошли Санька с Василём.

– Ну чего там?

– Не знаю, – ответила тётя Аня, – внутрь зашли и не выходят. У вас что?

– Увезли парторга в морг на подводе.

Кто-то из девушек снова вскрикнул от осознания всего произошедшего.

Из здания вышел участковый и направился к женщинам.

– Теперь всё от вас зависит. Если что, голова моя вместе с вашими полетит, – обернулся к подроспевшему председателю, – объясни им всё, я поехал, голова раскалывается, не могу.

– Всё будет чин по чину. Дай Бог здоровья тебе и таким же, как ты.

Милиционер махнул на него рукой, завёл мотоцикл и уехал.

– Повезло вам крупно, – сказал Андрей Егорович, грозно

глядя на ничего не понимающих женщин, – даю установку. Всё, что произошло – забыть. Завтра на работу, как обычно. Вопросов не задавать, потом сам всё объясню. Свободны пока.

Женщины с детьми поспешили уйти, только тётя Аня попыталась что-то спросить, но председатель на неё так посмотрел, что она передумала.

Очередь дошла до Саньки и Василя:

– Так, хлопцы, пойдём со мной.

Санька и Василь во главе с председателем, вернулись к мехтоку и подошли к старому высокому сараю из самана.

– Слушайте сюда, – начал Андрей Егорович, – сейчас вот под этот угол нужно перенести солому, которая кровью парторга залита, потом на это всё завалим стену.

– Понятно, куда ведёте, – заметил Василь, – а участковый как же?

– Вот так же. У всех людей мозги человеческие, нужно слова правильные подобрать. Потом, потом всё расскажу, – подгонял председатель, – шустрей надо и ещё раз говорю – рот на замок.

На следующий день председатель уехал в район, вернувшись, собрал у себя всех, кому было известно про обстоятельства смерти парторга.

– Вот, – он положил на стол перед ними лист бумаги, ис-

писанный ровным почерком, – это копия протокола. Здесь подробно расписано, как парторг погиб при сносе ветхой постройки. Выучить как «Отче наш». Если язык не удержите за зубами, то не только своих детей сиротами сделаете, но и хорошего человека угробите.

Он прошёлся по комнате, заложив руки в карманы брюк и, остановившись, добавил:

– Обо всём, что в деревне нехорошего происходит, сразу говорить надо. Беззаконие пресекать надо чисто по-человечески.

Санька и Василь вышли из сельсовета. Проезжавшая мимо них на велосипеде деда Мирона новая почтальонша крикнула им:

– А вы чего здесь ошиваетесь? Там Пашка домой вернулся.

Парни, не сговариваясь, ринулись в сторону дома.

У крыльца в военной форме стоял Павел, отвечал на вопросы галдящих наперебой соседок:

– Нет, не насовсем ещё приехал. Война идёт. Подлечусь маленько и обратно.

В калитку вбежал Василь и попытался пробиться сквозь толпу.

– Люди, люди, расступитесь, – говорил он, раздвигая гостей локтями, – здорово, братан.

София стояла на ступеньках, гордая своими сыновьями.

– Ну, всё, всё, – обратилась она к соседкам, – расходитесь. Вечером во дворе столы поставим и будем ждать всех в гости.

Они зашли в дом. София занялась подготовкой к празднику, Пашка стал разбирать вещмешок. На столе появились высокие жестяные баночки.

– О, тушёночка! – вскрикнул Василь. Он с видом знатока взял одну из банок в руки и потряс её, – приходилось мне попробовать и нашу, и немецкую.

– Где это? – удивился Павел.

– Да ты ж ничего не знаешь, – подошла к ним София и потрепала Василя за ухо, – он в Сталинграде был на разборе завалов, тоже на днях вернулся. Вон, тоже раненый. Пальцы видишь?

Павел с уважением посмотрел на брата:

– Поставь на место, фронтовик, это на стол.

Вечером во двор вынесли столы. Встреча намечалась грандиозная. Рядом хлопотали девушки, одетые в свои лучшие наряды. Праздника давно не было, души людей истомились от постоянного напряжения и тяжёлой работы.

В калитку, радостно улыбаясь и приветствуя присутствующих, вошли тётя Аня и Нина с маленьким Вовкой. В руках несли кастрюльки, прикрытые полотенцами.

– Здравствуйте всем. Девчата, примите и нашу лепту.

Вслед за ними, суетясь, почти вбежал председатель с дву-

мя сумками в руках, предательски звенящими наполненной тарой.

Тётя Дуся подмигнула ему:

– Это мы сегодня напьёмся...

– Немножко можно по такому поводу. Мужики, хоть и подраненные чуток, но возвращаются, – и добавил уже громче, обращаясь ко всем присутствующим, – только не забываем, что завтра на работу.

На лавочке, в сторонке сидели Санька и Василь, к ним подошёл Павел:

– Вы чего тут?

– Сами справятся.

– Вот мы сидим и обсуждаем, когда война кончится.

Павел аккуратно присел рядом, держась за плетень.

– Не знаю когда, но мы победим, это точно. Батьки вернутся, и заживём, – он снова встал, – пойдём за стол.

– Иди, мы сейчас, – ответил Василь и, глядя в след хромающему брату, о чём-то задумался.

Санька спросил, пристально глядя на друга:

– Вот ты говорил, что в Сталинграде дома были по пять этажей и выше.

– Говорил.

– А как же они по нужде ходят? В штаны навалишь, пока спустишься.

Василь закатил глаза и ответил, как приставучему мальцу:

– Прямо в квартирах сортиры есть, из них всё по трубам стекает.

Санька закатился смехом.

– Ты чего? – удивился Василь.

– Дерьмо по трубам – это полбеда, а как же...

– Что как же?

– Один на горшке сидит, а у всей семьи глаза слезятся?

Не поеду в город жить, – и рассмеялся в голос, чуть не падая с лавочки.

Василь тоже улыбнулся и подтолкнул друга в бок.

– Балбес.

Послесловие

Иван Наумович больше не вернётся домой, его останки будут обнаружены поисковиками под Калининградом через несколько десятилетий после победы. Архип Емельянович разменяет свою третью войну с одним ранением. Павел всю свою долгую жизнь каждое девятое мая будет сидеть во главе стола, сверкая наградами.

Как и предсказывала старая цыганка, человечество обнаружит один из ковчегов под ледяной шапкой Антарктиды, но, так и не поняв, что это, даст ему название – озеро «Восток».

У двух друзей, главных героев, жизнь будет не самая лёгкая, но насыщенная. У каждого из них будет семья, родятся дети, а общий внук Саньки и Василя сохранит эти истории на бумаге уже для своих детей.

Чуть не забыл про верблюда Яшку. Говорят, что он прошёл всю войну и закончил её в Берлине, и это именно он запечатлён на знаменитой фотографии тех героических лет. Возможно, это не так, но очень хочется верить.